

Оглавление

1: Кто я?	3
2: Они.....	5
3: Галстук	7
4: Ночной кошмар	8
5: Крик.....	10
6: Знакомство	14
7: Виктория.....	16
8: Пустошь	16
9: Энди	18
10: Ридли	19
11: Без компромиссов	20
12: Vozes	22
13: Срыв.....	23
14: Несколько месяцев до... ..	24
15: "... не совсем..."	25
16: Чейн	27
17: Гость.....	28
18: Адская кухня.....	29
19: Возвращение.....	31
20: Спящая красавица	33
21: Да	35
22: Лихорадка	37
23: Что-то	40
24: Телефонные звонки.....	41
25: Такой же сильный... ..	43
26: Только начало.....	45
27: Два полюса.....	46
28: Я вся в этой крови, я вся в этом ужасе	48
29: Ты нас не бросишь.....	49
30:.....	51
31: Барре'ту	53
32: Я поняла	55
33: Кофе? На ночь?	56

34: Всегда будь таким	58
35: Гэршон	60
36: Ее переживания пусть остаются при ней	63
37: И все старания летят к чертям!.....	66
38: Не в силах.....	68
39: Оба	71
40: Настоящий страх.....	73
41: Встреча	75
42: Письмо.....	77
43: Да, я слабая	80
44: Я люблю ее... и хочу защитить.....	82
45 и 46: План и захват	84
47: Исход	87
48: Свет	89
49: P.S.....	90

1: Кто я?

История моей жизни довольно проста и бедна событиями. Хотя кто в этом виноват? Со временем приходит понимание и, в конце концов, винить кроме себя некого. Ну вот, снова начала высказываться, будто мне не 18, а все 90, да еще и с опытом предыдущих жизней. Самой противно быть правой в собственных заблуждениях.

Скверно, но таков мой ужасный характер, искать недостатки в людях. Должна признаться, что особого труда это не составляет. Все они лежат на поверхности, а мое специфическое внимание не позволяет их не заметить. Прямота в замечаниях, да речи, в общем, не делает меня лучшим другом большинства. Так и не может быть. Но все же мне часто указывают на грубость и излишний сарказм в отношении других. Какое счастье, должно быть, не устаиваться чести наблюдать глупость людей. Не исключаю и собственных грешков и минутных слабостей ума, но разве можно осуждать меня за излишнюю проницательность? Думаю, для многих ключевым покажется слово "излишнюю". Но я так устала оправдывать чьи-то ожидания, что стало плевать на мнение других. Кто не может вытерпеть правды не способен дружить с таким человеком как я. И в самом деле мне самой сложно описать себя в полной мере. Думается, что со стороны видно лучше, но я бы не доверила охарактеризовать свой характер никому. Наверное...

Никто не способен понять все чувства и переживания, теплящиеся в моей душе и тем более понять мои мысли. А иногда так хочется, чтобы кто-то понял все без слов... Сейчас самое время пуститься в облака и мечтания о своем идеале и любви, которой захочется его окутать. Но на ум приходит лишь одно,- хочется понимания своей натуры? Посмотри в зеркало и узри полноценный экземпляр идеалистических надежд,- после такой мысли улыбка сменяется крайним недовольством собственной внешностью, а темперамент и вовсе должен выветриться вместе со сквозняком.

-Ну почему тебе так неймётся все испортить?

-Ты хотела сказать изгадить?

-Нет. Это твое слово!

-Да, даже не знаю, откуда это все в тебе?

-Что значит во мне? Это твое!

-Уверена?

-Да!

-Тогда почему ты разговариваешь сама с собой?

-... Что? ...

-Энди, почему ты еще не одета? Нам пора.

-Кто такая Энди?

-Не глупи дорогая, я не в настроении. Собирайся скорей.

Незнакомая мне женщина закрыла за собой дверь незнакомой мне комнаты. Это спальня. Но не моя. Она ужасна. Везде краска и не убрано. Такой неаккуратности мог позавидовать только Битлджус.

-А?! Ну хоть что то общее. Я уже и не надеялась встретить в твоей убогой, романтической голове, что то кроме романов мисс Остин и сонетов Шекспира!

-Это твой мозг скуден и не развит. Если ты не способна оценить творения великих писателей, то я даже не буду тратить время на просветление твоего чудовищного невежества дабы развеять заведомо ложное представление обо мне и моих интеллектуальных способностях.

-Боже... Сколько тебе лет?

-15...

-Ну надо же! А я то, боялась что ты ровесница мисс Марпл. И тебе 70 лет. В прошлом веке кстати.

- Что за нелепицу ты говоришь? И вообще кто ты?

-У тебя что, снова приступ? Дура, я это ты...

Очнувшись в своей комнате, я вытерла холодный пот со лба. Действительно понять себя сложно... Встала с постели и пошла чистить зубы. Стою босиком на холодном полу в ночной рубашке с растрепанными волосами. Порой мне кажется, что мои волосы выглядят на много лучше до приложения к ним усердной расчески. Короткие передние волосы лежат, так как надо и локоны выются в нужном направлении. Волосы не выглядят распушенной соломой. И в целом овал лица неплох при распущенных не расчесанных волосах. Волосы объемные и красивые. А глаза мои мне больше нравятся, когда я иду спать после долгой работы за компьютером. Они немного покрасневшие, но глубокие и блестящие. И сама себе кажусь симпатичной со спадающими на лицо волосами, когда они спонтанно убраны в свободный хвост или что - то напоминающее его. Не просто симпатичной, даже красивой. Но чаще я ненавижу свое отражение. Хотя нет. Не ненавижу. Недовольна собой. Правильней так. А вот расческу свою ненавижу... Эх... Так тоже нельзя говорить, а то она обидится и совсем сломается. Она у меня изрядно потаскана.

Сегодняшнее утро как раз из тех, когда я смотрю в зеркало с тупым ничего не выражающим лицом, пытаюсь отыскать в себе хоть что - то. Понять что - то в себе. Отведя недовольный взгляд со своего отражения, выплеснула воду изо рта и еще несколько раз прополоскала. Чтобы вновь не наткнуться на ненавистное мне лицо, я не разгибаясь вытерла его полотенцем прямо над раковиной.

-Я уж думала, ты пропустишь завтрак. Поздно вчера легла?

Это мама. Заботливая и любимая. Беспокоится за мое здоровье. Я понимаю. Все родители паникеры и так далее, но какая разница во сколько я

вчера легла спать? У меня что рак разовьется или меня снесет волной цунами? Что может со мной произойти в маленьком городе, где ничего никогда не происходит? Ну ладно. Может и происходит. Только не со мной. Все чего мне стоит опасаться это сдвиг психического равновесия. А может что и по серьезней. В любом случае это было бы интересней всего что может произойти со мной за всю жизнь.

-Может стоит отключить тебе интернет, чтобы ты высыпалась идя на занятия?

А это отец.

-Мне казалось, тебе не важна моя жизнь за исключением отметок в институте. Если ты отрубишь доступ в интернет, боюсь, мои оценки ухудшатся. Ведь все что я успеваю делать - только учиться!

-Иди вон из-за стола!

-Бен?- тихо произнесла мама с осторожностью.

-Нет, Рита! Мне надоели ее неряшливость и неуважение ко мне! Неблагодарная, испорченная, наглая девчонка!- он может целый день продолжать. Так бывает не всегда, но слушать о себе незаслуженные гадости в очередной раз не хочется. Пропуская мимо ушей все, что он орет, я молча встала из-за стола, как меня и попросили, не наилучшим образом конечно, но что делать, встала, стиснув в зубах горячий тост и прихватив яблоко. Хорошо хоть есть наличные, чтобы позавтракать. Да, наверное, денег хватит только на один "прием пищи", пищи благословенной, и если не поблаговаришь Господа за нее, то попадешь в ад. Хм... Ладно, погорим там. Кретин! Он даже библию не читал, а благословить еду считает необходимым. Дожевывая вкусный тост, (моя мама превосходно готовит) спокойно иду на остановку, воткнув в уши наушники. Обожаю музыку. Давно бы чокнулась без нее.

2: Они

Сегодня... День как день... Но мне почему-то плохо... Лежу на холодном полу, свернувшись калачиком, подложив под голову руку. Просто лежу и плачу. Иногда слезы сами текут. Их никто не заставляет вытекать из глаз. Они такие же непослушные как мои волосы. Бывает же такая апатия, когда плевать на все и ничего не чувствуешь? Вообще ничего... Интересно знать от чего так грустно... Ведь, по сути, ничего не произошло. А от одиночества хочется полностью забыться и стать какой-то статуей в одном из садов в сказочном королевстве. Чтобы никто не замечал тебя. Хотя стоит ли обрекать себя на обездвиженное мучение и назойливых птиц, когда тебя и так никто не видит и не хочет видеть, понимать... Болят глаза... Их тяжело поднять, а посмотреть на звезды все же хочется. Из моего окна видно луну и замершие в ее окружении светящиеся точки. Если долго всматриваться в ночное небо, то можно перенестись в космос...

-И умереть там от нехватки кислорода!

-Снова ты начинаешь? Оставь бедняжку в покое. Ей и так не сладко.

-Да. Прямо как тебе по началу.

-Слушай, Энди. Может ты и свыклась со своей смертью, но я еще переживаю период начального осознания этой неизбежной трагедии. Я не могу привыкнуть к твоим воспоминаниям. Они такие реальные, что я вполне имею право, иногда, позволить себе испугаться... А какого тебе, видеть мою жизнь и просыпаться в моем теле?

-Отвратно. Тошнит от вежливого бреда, прущего через край в твоём доме.

-Я твоих близких не оскорбляла никогда...

-... Ладно тебе... не плач...

-Я и не плачу...

-Извини меня... да и какая разница? Мы мертвы... Всем плевать... Это всего лишь воспоминания...

-Однако тебе тоже грустно вспоминать свою жизнь?

-Меня сейчас волнует лишь то, какого мы делаем в голове у этой ... блин... как же тебя назвать?

-У нее есть имя.

-Спасибо! Глубокий анализ! Ни я, ни ты не знаем ее имени. Поэтому и думаю как ее назвать.

-С именем можно подождать.

-Как хочешь пчелка.

-Мое имя - Виктория... вообще то.

-Это не твоя вина. Хотя имя нормальное, пчелка.

Поняв, что убедить грубиянку не удастся, Виктория лишь помотала головой, с недовольством вздохнула и продолжила диалог.

-Как нам заставить ее нас услышать?

-Постучим по голове.

-Я серьезно.

-Я тоже... А что?

Виктория закатила глаза.

-Что?- еще раз спросила Энди.

-Давай подумаем над тем, зачем нас послали ей в помощь?

-Да нас просто в рай брать не хотят. Фасеконтроль не прошли. Вот и сослали обратно на землю. Хоть бы тело дали, уроды...

-Не ругайся.

-Да м а м а...

Молчание Виктории заставило Энди вспомнить, что мама ее умерла не так давно.

-...

-Слушай, мне надоело извиняться...

Но Виктория сильно расстроилась и не спешила отвечать Энди, которая тоже замолчала.

3: Галстук

-Как выходные?

Ненавижу этот вопрос. Самый тупой вопрос на земле. Как, как? Хорошо, что не повесилась или из окна не выпала. Если ответить так, то может они перестанут спрашивать?

- Нормально.

Не представляю, как жить в этой бессмысленной суматохе. День ото дня все хуже и хуже. Мой цинизм зашкаливает, а безразличие бьет все рекорды. И почему я не могу быть как все? Радоваться тому, что имею. Хоть ничего и нет... Пусто...

-Пара вроде ничего прошла? Да?- очередной вопрос. Как оригинально.

-Да, ничего,- ответила я.

-У тебя новый синяк?

Я посмотрела на нее с отрезвевшим вниманием, выражение моего лица, однако, выдавало лишь недоумение важности такого замечания.

-И что? Это трагедия?

-Нет, просто они у тебя часто появляются. Ты бы к врачу сходила, проверилась...

-Так не терпится от меня избавиться?

-Со здоровьем не шутят.

-Ладно, пошли, не то опоздаем.

Еще один день, никчемный и ничем непримечательный, прошел. И снова дом. И снова та же картина. Отец отчитывает маму за не выглаженный галстук. А она терпит.

-Сколько раз можно повторять, синий галстук мне нужен был сегодня, а не красный. Как можно быть такой идиоткой, чтобы перепутать их?

-Да какая разница? У тебя рубашек других нет? Одейся же сегодня как- то? Не умер. Заканчивай ее упрекать. Она не рабыня тебе!

-Как ты с отцом разговариваешь, тварь неблагодарная?!- этот недоносок переключил свой гнев на меня,- попробуй еще хоть слово мне сказать, дрянь, или...

-Или что?!

Оно подошло и влепило мне кулаком по лицу со всей дури. А дури в этом много. Я упала, ударилась головой. Немного шла кровь из разбитой губы.

-Бен! Нет!- мама начала рыдать, сжимая долбаный красный галстук в руках,- умоляю, не нужно, Бен!

-Молчи! Я хочу есть. Иди разогрей мне чтонибудь и по быстрее. А ты сегодня остаешься без ужина. Знай свое место.

-Ты мне библейскую притчу еще прочитай, чтоб не повадно было!- смело бросила я. Оно, разъяренное, хотело подойти и ударить снова, но зазвонил

телефон. Оно взяло трубку левой рукой, правая была занята. Вокруг кисти был намотан синий галстук с каплями моей крови.

Это чудовище договорило, разговор был недолгий, и вновь переключилось на меня,- испортила дорогую вещь! Дрянь. Иди в свою комнату...- и это пошло на кухню.

Вытирая кровь рукавом, я встаю, желая вмазать ему как следует, но этот урод сильнее меня. Ну ничего, когда -нибудь я наберусь смелости и даже это меня не остановит.

-Вот же козел!

-Впервые согласна с тобой Энди.

4: Ночной кошмар

-Как ты дорогая?- ласковый голос мамы. Люблю ее слушать. Все что она говорит. Мама гладит меня по голове своими нежными руками, улыбаясь. Но я не могу рассмотреть ее лица. Все как в тумане. Я не могу пошевелиться, сказать что- либо. Не могу сдвинуть с места ни одну конечность. Мое тело приковано к кровати сильным притяжением, сопротивляться которому невозможно. Я в панике, ничего не вижу, кроме доброго силуэта мамы, но он ускользает, повторяя, что любит меня. Я пытаюсь кричать: "Нет! Подожди! Не уходи! Мама! Мама!" Но бесполезно, она уходит. С улыбкой закрывает дверь. Мне страшно. Я знаю, что будет, но не могу ее остановить. Я беспомощно лежу на кровати. Пытаюсь сползти на пол и двигаться к двери, но никак. "Мама! Стой! Не надо!" Я ползу по ковру что есть сил, добираюсь до двери, открываю ее. Страх не успеть взрывает мою голову. Я мечусь из стороны в сторону, пока не срываюсь с лестницы и падаю вниз. Ступеньки пересчитали мне все кости, я отчетливо понимала боль. Но смогла встать.

Тяжесть спала. Я могу двигаться. Ищу маму по всему дому. Открываю дверь за дверью. Пусто. Все стены белые, мебели нет. Дом в запустении. Только что он был как раньше. А после падения стал безжизненным, чернеющим от горя и боли. Я не понимаю, что происходит. Ищу дальше. Лезу на чердак. Никого. Спускаюсь вниз. С балкона льется слепящий белый свет. Черный силуэт раздраженно вклинивается в свечение. Я подхожу ближе, щурясь. Подхожу, медленно, узнавая силуэт. Папа... Стоит на краю балкона. Он качается в стороны. В руке бутылка. Он пьян. На лице густая щетина. Заплаканные красные глаза. Безнадежно потерянное лицо. Он смотрит перед собой. Уголки губ опущены и текут слезы. Горькие. Я пытаюсь ему что- то сказать, но не нахожу слов. Я знаю, что он меня не замечает. Меня нет здесь. Он смыкает опухшие веки и наклоняется вниз, старательно пытаясь упасть. Я напугана и кричу ему: "Папа!" Я схватила его

за руку, не давая слететь с балкона, и он обернулся в мою сторону, будто услышал, увидел меня. А я растворилась в воздухе...

Лихорадочно поднявшись с кровати, я осознаю, что это всего лишь сон. Сон, но не обо мне. Я не знаю никого из тех людей, которых видела. Знаю, что я была там, ощущала все как наяву. Боль, горе, страх. Но я не была собой.

-Еще бы. Мы все там были. Все как один погрузились в этот ночной кошмар. Что молчишь? Мы ведь в твоём доме были. Это была ты. Ты бегала в пижаме по дому как призрак. Странное воспоминание.

-Это не воспоминание Энди.

-А что тогда? Мы теперь стали медиумами?

-Не смешно.

-Да ладно, я пытаюсь разрядить обстановку, а ты сердишься.

-...

-Эй! Ты куда?... Ушла. Замечательно... Оставила меня наедине с ней. Супер...

Я вышла к завтраку. Сегодня пятница. По пятницам "этого" нет. Оно уходит на гольф пораньше, чтобы успеть наиграться перед работой. Именно в своём гольф клубе он подцепил ту шалаву, с которой изменял маме. Интересно, что в библии по этому поводу написано? Ненавижу его.

Я не представляю, как она его терпит до сих пор. Все наши разговоры на эту тему заканчивались тем, что маме некуда будет идти, у нас ничего нет своего, он выгонит нас на улицу, у нее нет работы, а найти работу без специальности трудно, и потом она любит "это". Сколько раз я вызывала полицию, пыталась защитить ее и себя от этой напасти, но она забирала заявление, а на меня сыпались угрозы расправы над матерью, если я не перестану "этому" докучать. Безвыходная ситуация. Я пыталась уговорить маму на побег. Говорила ей, что нужно уходить, что мы справимся вместе. Но она непреклонна. Говорит, что нужно платить по счетам и моя учеба стоит денег. В общем, находила оправдание тому, что остается с ним. А я устала терпеть и получаю за это.

Но так как сегодня пятница, то можно не беспокоиться и спокойно поесть. Наконец-то.

-Ты не решилась еще?

-Прекрати, пожалуйста. Не стоит об этом говорить.

Я смотрю на нее с полным непониманием. Ложка с пюре зависла в возле рта. Я не могу поверить. Это продолжается уже год. А она все терпит.

-И...

-Не надо на меня так смотреть.

-Как? Как мам?

-Осуждающе...

-...

-Возьми мой тональный крем, надо замазать синяк на лице.

-Разбитые губы тоже замазать или их скотчем подклеить?

-Не разговаривай так со мной! Что подумают люди, когда увидят?

Я бросила ложку на тарелку. Резко поднялась из-за стола, отодвинув по инерции стул, который упал на пол с треском.

-Что люди подумают? Люди? Люди мам? Значит можно запереться в плену у чудовища, которое избивает тебя по любому поводу? Если ты себя не уважаешь, то должен хоть материнский инстинкт просыпаться время от времени...

-Ты не справедлива...- повторяет мама снова и снова, мотая головой, убеждая себя, что все хорошо, что все это не правда.

-Или ты совсем меня не любишь? ... Почему ты позволяешь ему так с собой обращаться? Нет, не отвечай, я знаю все, что ты скажешь. Но я мам! Со мной что?

-Ты сама виновата. Не надо его злить и все. Тогда он не будет распускать руки.

-Что? Я виновата? Да прозрей ты, наконец! Протри свои глаза! Не злить? Чтобы он меня не бил? ... Боже мой...- я хваталась за голову, не веря ее словам,- Да я перенимаю на себя его гнев, чтобы он тебя не трогал. Чтобы он не забивал тебя до полусмерти. Чтобы тебе хоть немного меньше доставалось. Меньше, чем обычно... Боже... Это бесполезно... Действительно бесполезно. Я тебя не знаю. Не знаю больше.

-Ты уйдешь?

-Чтобы он убил тебя? Нет... Не знаю. Но обещаю тебе, если он еще раз до меня дотронется, я убью его.

...- ее измученное лицо сопровождало меня взглядом, отчаянно пытающимся разрешить дилемму. Но задача сильнее ее способностей.

5: Крик

Утро. Универ. Уныние. Я сижу за пюпитром, наблюдая за тем, как кипит жизнь вокруг меня. Все ходят, улыбаются, обнимаются. У каждого есть чем поделиться. Полные глупости конечно, но эти мелочи так важны для людей: что ты ел вчера, и как тебе это понравилось, шоколад или мороженое на десерт, какое платье надеть и будет ли это платье. Бред, но он им необходим. Необходим, чтобы чувствовать себя живым, нужным, востребованным, интересным.

И почему мне плевать? Плевать на все, на одежду, внешний вид и какую помаду подобрать. Порой стоишь посреди улицы и видишь, как жизнь проходит мимо. Люди, словно тени мельтешат, улыбаясь, рыдая, тоскуя, влюбляясь, разочаровываясь... Они проходят, а я стою среди их силуэтов с

безразличным отвержением их глупостей. Я говорю не о проблемах, не об истории, не о судьбе. Я говорю об их диалогах, этих маленьких глупостях речи, типа, я приготовила вчера мясо по-французски, и ему понравилось, и далее развивает тему, будто спасает людей в Боснии. Бессмысленно.

Поэтому у меня и мало знакомых, друзей... ммм... дайте посчитать... нет. Ведь друг это не тот, кто подбадривает тебя по телефону и тому подобное, друг это тот, кто заставит мир перевернуться ради тебя, сделает все, чтобы помочь, убьет всех если нужно. Дружба это не только безграничное доверие, но и свобода. Если мне нужно рассказать о чем-то, я расскажу, если нет, то друг поймет без слов, и будет отстаивать тебя до последнего, даже если не знает ничего кроме твоего характера и имени. Друг знает твою душу, большего не нужно. Остальное клише, мусор, избыток. Дружба это партнерство, обязательство, которое в радость нести; контракт, подписанный до конца жизни и дальше. Нет ничего в мире крепче, чем узы дружбы.

Употребляя слова, такие как "дружба" или "любовь" я имею в виду не те испорченные, прогнившие, пустые определения, типа, добавь меня в фэйсбук, я говорю об истинных значениях этих слов и никак иначе. Иначе - это не дружба и не любовь. Иначе - значит попросту обманывать себя. Иначе - значит ничего. А ведь люди и не подозревают, насколько они одиноки, до какой степени они окружены ложью и притворством. Двумличие в моде. Мир катится к чертям и я вместе с ним.

-О, боже мой! Что с тобой?- моя "подруга" по универу разомлела, увидев обширный синяк возле рта.

-Ничего... Подралась.

-Что? С кем? С боксером? Кто это сделал с тобой? Ты заявила на него?

И как мне ответить на все эти истеричные вопросы? Кто? Если рассказать, большего стыда и выдумать нельзя. Благо фантазия спасает.

-Напали на улице. Пытались отобрать сумку. Не получилось. Лица не видела. Заявление писать не буду. И нет. Больше отвечать на вопросы не буду. И да. Со мной все хорошо.

Как всегда она начала причитать, успокаивать меня, жалеть, лезть обниматься, а я ненавижу все эти сопли. Предпочитаю жалеть себя в одиночестве. Пара началась. Все открывают тетради, записывают.

-Какое число сегодня?- она задает этот вопрос каждый день. Сейчас начало месяца и не сложно запомнить последовательность номеров, но с утра что-то такое происходит с мозгом, и он начинает тупить по жесткому, хотя на подсознательном уровне знает ответ на свой нелепый вопрос.

-Шестое, и,- я наклонилась немного в ее сторону,- числа идут по порядку, ну, так, на всякий.

Все, сидящие на ряду, рассмеялись. Я начала писать. Проходит час за часом, а я мучаюсь от головной боли. Я плохо спала, и еще этот ночной кошмар. АААААААААА, раскалывается голова. Невыносимая боль.

-Что происходит с тобой? И где ты пропадала?

-Я думала.

-А, ну тогда конечно, и что же родилось в твоей светлой голове?

-А тебе не показался странным сон?

-Ну, учитывая, что все трое видели одно и то же, обычный, мне часто такие снились при жизни.

-Вот именно Энди, при жизни. Мы умерли, и у нас не может быть снов, мозговой активности и так далее. Мы ничто, только память, обрывки нашей жизни впитаны в души, лишь поэтому, мы с тобой то и дело просыпаемся в телах друг друга. Мы способны воспроизводить картинки прошлого, но никак не можем видеть новое. Это невыносимо.

-Пф, слишком много слов, дорогая, слишком. К чему ты клонишь?

-А к тому, что наш сон, точнее мой, не был воспоминанием. Он реален настолько, насколько это вообще возможно.

-Детка, я и ты заключены в голове у неизвестной нам девушки, мы мертвы и все же разговариваем, видим сны, ну прошлую жизнь, ладно, так что я готова поверить и в лепреконов, их радугу и горшочек с золотом на ее конце. В единорога, правда, не уверена...

-Я серьезно, а ты все обращаешь в шутку.

-Почему, я тоже серьезно. Что...?

-С моим отцом что-то происходит. Что-то плохое. Я чувствую.

-Естественно, ты же умерла, как он себя вести должен? Надуть шары и орать: "наконец-то" как в трудном ребенке?

-Он услышал меня, я видела, он повернулся в мою сторону. Он хотел спрыгнуть с балкона.

-Может у него вечеринка была, мало ли что спьяна, учудишь, можно и Икаром себя вообразить.

-Ты что? Издеваешься? Мой отец находится на грани самоубийства. Он один. И некому помочь, присмотреть за ним. Я переживаю.

Господи, ну что это за дерьмо? Голова сейчас взорвется просто. Уже пар из ушей идет, быстрее бы добраться до аптечки и своей комнаты. Мозги вытекут если я не уйму эту боль. Ну, где же она? Перебираю коробочки в комод, одна, вторая, а это что вообще такое? Выбросить, все выбросить. Капашусь в куче всякого ... О, таблетки. Вода, вода, вода. Выпила. Кро...ва...ть... моя кро...ва...ть. Аааааа, ну давай же, проходи, голова. Блиин.

- И что дальше?
- Что? Ты просто бездушная, циничная, невообразимая...
- Ну?
- Эгоистка!
- И?
- Я тебя ненавижу!- и тут Виктория закричала.

А?- упала я с кровати, подпрыгнув от чьего-то крика. Что такое? Неужели оно меня так сильно ударило, что у меня поплыли мозги. Я теперь псих, шизосреник. У меня галлюцинации.

Пока Виктория отходила после выплеска энергии, Энди заметила, что Сэм слышала их.

- Давай еще.
- Что тебе еще Энди?
- Ой, ну давай покричи еще, поплачься о том, как тебе тяжело, мучительно и беспокойно оставлять отца без присмотра, сорокалетнего мужчину, слабого и не приспособленного к жизни.
- А...а... да, как ты можешь такое говорить? ... Ты, испорченная, напыщенная, глупая и никчемная невежда! Не смей говорить гадости о моем отце. И думать плохо о нем не смей!
- Маловато, можно по экспрессивней?

Тут Виктория окончательно вышла из себя и набросилась на Энди.

-АААААА! Ненавижу!- крик был настолько громким, что сотрясал белую комнату, в которой находились души этих девушек, но и не только. Этот крик пробудил Саманту.

6: Знакомство

-Какого черта?- ошарашенная Сэм стоит в полуприсяди у кровати, сжимая одеяло обеими руками, прикрывая им лицо до уровня глаз, как часто делают дети, когда им страшно.

-Отцепись от меня,- сказала Энди, снимая затвердевшие руки Виктории со своей шеи.

-Я все равно тебя ненавижу...

-Кто здесь?- спросила Саманта, не понимая, откуда идут голоса.

-Браво Вики. Ты ее разбудила, своим ревом.

-Я что?

-Эм, я вам не мешаю? И кто здесь? Выходите!

-Да некуда идти,- подметила Энди.

-То есть это как же?- иронично спросила Саманта, отбросив одеяло.

-Да так, что мы у тебя в голове.

-Что за бред? Я свихнулась. Окончательно.

-Нет. Это правда. Ты не больна. Мы здесь, у тебя в голове. Не в буквальном смысле, но мы что-то вроде внутреннего голоса,- окинув обиженным взглядом Энди,- в данном случае двух,- присоединилась к диалогу Виктория.

-И я должна что-то понять из этого?- уже не испуганная Сэм.

-Слушай, мы тоже не в восторге, но так случилось, что, мы, после своей смерти, не заняли комфортабельное облако в раю, а вместо этого помещены в какую-то белую палату с простынями на стенах, на которых крутится фильм. Камера - твои глаза, ты и оператор, и режиссер, а мы к черту, запертые в чистилище души, призванные тебе в помощь, при том, что у нас самих полон вагон проблем, которые мы так и не успели решить.

-Я сама за себя могу говорить Энди,- Виктория вмешалась.

-И это я то эгоистка? Земля не вертится вокруг твоей богатой задницы, Вики. Думаешь мне легче? У меня там брат, один, а ему двенадцать. Двенадцать!

-Стоп, стоп, стоп. Не то моя голова точно слетит к чертям. Вы типа призраки с незавершенными делами, а я Кэт Харви. Значит так?

-Офигенная аналогия! Еще одна тупая пробка,- безвыходно произнесла Энди, садясь на пол и вытирая ладонью лицо, как бы смахивая глупость, только что услышанную.

-Что-то вроде,- сказала Виктория, не возразив на оскорбление сокамерницы.

-...Круто... Нет, правда здорово...- говорит Саманта, кивая головой и поджимая губы.

-Ну вот, видишь, она нам верит,- наивная Виктория.

-Да, мне пора в дурку,- Сэм.

-Оох, - раздраженная Энди встает и подходит вплотную к экрану из белой простыни и кричит, в надежде, что Саманта так поймет и усвоит навалившуюся на нее информацию быстрее и лучше,- пойми, мы, мы у тебя

в голове. И никуда от этого не денешься. Так что переваривай инфу и заканчивай уже грузить меня своими бреднями о психушке! Достала уже.

-Воу, это было грубо, даже я так с людьми не разговариваю, - сказала Сэм.

-Зато действительно, как, оказалось,- подметила Виктория, впервые одобряя действия Энди.

-Ладно, я попытаюсь, но ведь, как такое возможно?- Сэм.

-Еще одна,- с большим раздражением произнесла Энди.

-Мы не знаем,- сказала Виктория, взяв инициативу в свои руки,- не знаем, но это так. И я думаю, что ненадолго.

-Я надеюсь!- перебила Саманта.

-Эм... я понимаю, но и ты нас пойми, у нас мало времени.

-У вас что, фиксированный график? Нормированный рабочий день?

-Твою мать не смешно!

-Ладно, Энди не сердись,- вновь Виктория,- пожалуйста, то, что все мы оказались фактически в одном теле, эм, в твоём теле, не случайно. Ты должна нам помочь.

-Так разве не вы мне в помощь посланы, ангелы?- Сэм.

-А ты кто? Чарли?- изрядно рассердившаяся, Энди вступает в беседу.

-Девочки! Успокойтесь, обе,- Виктория.

-Ну вот, теперь мне указывает малолетка,- Энди.

-Кто ж виноват, что у тебя мозгов нет?- Виктория.

-Что?- Энди хотела накинуться на Викторию, но Сэм им помешала.

-Эй! Не надо. А то мне кажется, что у меня в мозгу бочки качаются. От вас такая головная боль. Я поняла. Говорите в чем дело. Мне кажется, я готова воспринимать все и оценивать трезво. Надеюсь, что готова.

-Помоги нам,- Энди услышала от Виктории, что-то напоминающее небезразличное отношение к ней. Она услышала, что ей не придется, как всегда сражаться за себя в одиночку. Энди поняла по взгляду Виктории, что та понимает, что им обоим тяжело мириться с собственной смертью, что им обоим нужна помощь, что они в одной лодке, что он союзницы, хоть и ненадолго.

-И что я должна сделать? Прочитать молитву, чтобы вы упокоились с миром или провести обряд экзорцизма, полить ваши могилы святой водой?

-...- Обе узницы ума Саманты с недоумением смотрели на белую простынь на стене, демонстрируя гомологичное безнадежное ощущение провала их затей.

-Я пошутила, вообще-то. Мертвые что, лишены чувства юмора? Говорите, я сделаю.

-А как же твоя жизнь?- вежливая Виктория имеет привычку незаметно для себя самой давить на больные точки. Неосознанно, конечно.

-Моя жизнь меня достала. Пока и без нее проживу,- Саманта, убежденная в своей способности помочь неизвестным девушкам ни минуты не сомневалась в искренности своих слов. Она была готова делать что угодно, лишь бы избавиться от пресытившейся терпеливости ее матери и излишнего рукоприкладства отца. Она была рада, ведь, наконец в ее жизни появилось что-то интересное, немыслимое, сверхъестественное. На ее лице улыбка.

7: Виктория

Мой отец. Он... Ему очень тяжело мириться с моей смертью. Это слишком для него. Мы были самыми настоящими друзьями. Каждый день был праздником. Мы вместе придумали свой язык, чтобы никто кроме нас его не понимал. У нас был свой домик на дереве. Наши тайны, секреты, выдуманные истории, все связывало нас до последнего момента. Когда выяснилось, что у меня лейкемия, он не сдался и выдержал. Он продолжал жить для меня, устраивал музыкальные представления. А когда мне бывало получше, мы, вместе с ним ставили мюзиклы. Это было так забавно... Наши красавица и чудовище, поющие "*Tale As Old As Time*" были неподражаемы; я, с хвостиком на голове, в маминой желтой шифоновой юбке, (мне она была длинным платьем со шлейфом), и он, накрытый одеялом в несколько слоев, пели. Я так любила наши вечера.

Отец практически отказался от работы, своей карьеры, чтобы быть со мной, ухаживать, следить за состоянием, жить, пока есть время. Мама наоборот ушла в работу. Ей было больно, когда, она приходя домой, видела как меня рвет, как иногда я не могла встать с постели. Она не сумела выдержать моего состояния: шелушащейся кожи, постоянных кровотечений, выпадающих волос. Мама даже не терпела, когда мне делали химию, она не умела держать себя в руках и плакала, постоянно. Мама запиралась в ванной и рыдала, пока отец пытался оживить мои последние дни увядания. Она так меня любила, но была слабой. Увы, не все способны на подвиги, как мой отец. А сейчас помощь нужна ему, чтобы он смог пережить это. Смог двигаться дальше. Снова начал жить.

-А мама?

-Мама умерла незадолго до меня.

-Господи...- с сожалением произнесла Сэм, потирая шею, от удушающей энергии скорби.

-Поэтому мне нужна твоя помощь.

-Но что я могу?

-Навещай его, подбадривай, как он делал это для меня.

-Ясно.

8: Пустошь

Говорят, для того чтобы спастись нужно помочь другому, но ведь и в этом тоже есть малая доля лицемерия. Люди всегда все делают исключительно ради себя. Даже когда дарят подарки. При всей искренности и трепетности они ожидают для себя если не лучшего, то хотя бы такого же, что отдали сами. Порой кажется, что и искренности нет вовсе. Хотя, кто я, чтобы судить? Никто...

-Эй, Сэм... идешь с нами?

-Я бы с радостью поделила с вами кусок пиццы и передала его по кругу, но нет, у меня дела.

-Смешно, ладно, мы пошли...

Да, да, да... и мне пора. Полдня потрачено впустую из-за этих пар. И чему нас всех учат? Чему угодно, но только не профессии. Как же мне найти твой дом Виктория? Район на карте явно не среднего класса. Придется брать такси после автобуса.

А автобус на половину пуст. Передо мной сидит парень. Вальяжно распластавшись на сидении, он наблюдает за девушкой, готовящейся к выходу на остановке. На ней бардовое платье, просвечивающее, неприкрытую черной кожаной курткой часть тела.

Девчонка привлекательная, не спорю, но внимание парня приковано только к ее ногам и попе. Как бы грубо это не звучало, но, правда такова, что всем нам, и женщинам и мужчинам, нужно тело, только тело. Он смотрит на просвет между ее ног и поднимает взгляд выше, но самую интересную подробность женского тела скрывает подкладка платья. Ткань, огибающая прелесть фигуры свободно лессируется по малому дуновению ветра.

Девушка уже вышла, а он все еще облизывает губы, желая поднять эту юбку. Двери автобуса закрылись, девушка шла по улице, а парень в надежде, что подует сильный ветер, который всколыхнет юбку, откроет, наконец, ему эту желанную часть тела во всей ее красе. Но нет. Как бы он не вертел своей головой, сегодня не обломится. Он сел и успокоился, пока вновь его внимание не приковала чья-то грудь.

Можно было бы добавить: "мужчины", сказав это, закатывая глаза, но я скажу "люди", потому что женщинам тоже нравится наблюдать за сильным полом. Сколько не говори о различиях между полами, все равно мы одинаковые. Все равно.

Доехав до конечной, пришлось ловить такси, потому что дом Виктории находился в благоустроенной части нашего города. Вики забыла уточнить, что ее семья даже больше, чем просто состоятельная. Все дома такие ухоженные, красивые. Наверно в них живут счастливые люди? Как бы ни так. Именно в таких районах под видом клумб скрываются могилы.

Дом Вуд. Приехали. Да, видно садовнику давно не платят, лужайка в ужасном состоянии. Снаружи дом ничего, сейчас посмотрим что внутри.

-Мистер Вуд?!- я постучала, но ничего. Еще раз и снова ничего. Тогда, я толкнула дверь, но она оказалась заперта. Замечательно просто! И как мне внутрь попасть? Эй! Виктория?! ... Они что, по расписанию приходят? У них есть часы приема? Я стучусь во все двери, обхожу дом кругом, ругаюсь, а их дома нет! Ни Ридли, ни Виктории, ни Энди. Все вымерли.

-Я бы поаккуратней выражалась!

-Энди, какая встреча? Где вторая?

-Ее здесь нет.

-Что так?

-Откуда мне знать, я, что Господь Бог? Нет ее здесь и все. Мы не постоянно можем находиться в этой комнате, твоей голове. Мы мерцаем. Это что -то вроде потери памяти. Считай что у нас хронический Альцгеймер с точки зрения физики. И кстати окно не закрыто.

-Что? Оно же закрыто.

-Закрыто, но не закрыто.

И правда. Я залезла в дом через него, уперлась в диван и чуть не впилилась носом в торшер. В комнате темно, несмотря на свет из окон. Темно и очень пыльно. Все в запустении, много паутины и грязи, везде бутылки и битое стекло. Пустошь... Пожалуй, даже хуже. Здесь спертая атмосфера ненависти и скорби. Стоит крутой смог из алкоголя, слез, ярости и отчаяния. Здесь нечем дышать. Здесь и умереть страшно.

9: Энди

Я никогда не любила рассказывать о себе, да и нечего рассказывать. Жизнь-боль. Возможно, эта фраза обрисует вам всю палитру моих дней, но и в таком гадюшнике как мой район есть место светлому и радостному. Например, рождение ребенка, но все это до тех пор, пока он не станет случайной жертвой перестрелки между двумя королями этих улиц.

Жизнь должна нас чему-то учить, но нам приходится учиться жить, выживать, чтобы иметь шанс вырваться, иметь право на достойную жизнь. Каждый человек по своему справляется с выпавшим на его долю несчастьем, что ж, моя мать, совершенно обычно для нашего района, переживала трудности, закидываясь наркотиками, поэтому главой семьи стала я.

В свои 20 лет я уже подминала под себя квартал, торгуя героином и травой. Я плотно вошла в синдикат, и меня знало наше "руководство", держало меня на хорошем счету. Я была перспективным работником. Я не горжусь тем, что распространяла дурь, от которой кто-то мог и умереть. Но этим я обеспечивала себя, мать, и своего брата. К тому же в мой квартал никто не совался, и здесь было безопасно, потому что все знали, что если они свяжутся со мной, проблем не миновать и за ними выйдет сам Ричи.

Ричи - это главарь банды, крышующей половину нашего города. Ричи мой покровитель. Я его лучший дилер и он это ценил. Он привлекательный и суровый, но и жестокий. Он может свести с ума своим очарованием, но ты никогда не узнаешь, что у него в голове. Ричи в любую минуту мог вспылить и начать крушить все подряд, но он ни разу не позволял себе меня ударить. Он мог запросто убить человека из-за мелочи, но в какой бы ярости не прибывал этот человек, женщин он не бил.

Странно, что у гангстеров есть свой кодекс чести. Не смотря на все, чем они занимаются, им важна семья и честь. Я вовсе не рада, что попала в круг его любимиц. Ричи берет все, что ему нужно. Здесь и сейчас. У него много женщин, но ко мне он не прикасался, пока я не сдалась. Не знаю, может он со всеми одинаков, но я не была одной из его шлюх. Он приходил ко мне, чтобы отдохнуть. Он просто обнимал меня и молчал. Мне всегда было страшно, когда он приходил. Он внушал страх всем, чем занимался, тем как себя вел, тем, кем он был, но у него появилась слабость - я.

Пока я зарабатывала деньги, мой брат учился в школе. Все было ровно, до тех пор, пока меня не убили. Малыш остался один, потому как на мать рассчитывать не приходится. Ему двенадцать лет и он слишком мал для таких дел. Я занималась продажей наркотиков, чтобы у него был шанс на будущее, но эта работа подразумевает определенный риск.

И теперь мой брат один, без опоры и будущего. Он не должен этим заниматься. Он должен жить, а не выживать. Мой брат заслуживает этого. А я боюсь, что он пошел по моим следам. Боюсь, что захочет отомстить моему убийце. Боюсь, что он ввяжется в передрагу, из которой не выбраться.

- Саманта, ты должна помочь мне вытащить брата из картеля.

-... теперь я поняла, что героями фильмов хотят стать, потому что они знают, что все хорошо закончится и что это всего лишь история, а мне выпала возможность реально воплотить все мечты, только теперь, это перспектива не радует. Это ведь по-настоящему и вряд ли пули будут чудом меня облетать.

-То есть ты отказываешься?

-...нет... просто я поняла... что все это реальность... и поняла, насколько она сурова.

10: Ридли

-Мы с тобой обошли почти весь дом, но так и не наткнулись на его хозяина, может, его дома нет? Решил за обоями новыми съездить?

-...

-Понятно, сама пошутила, сама посмеялась. Ну, расскажи еще что-нибудь о себе, пока я тут блуждаю, по этим унылым джунглям.

-...

-Эй! Энди! Ответа нет и не предвидется. Призраки, однако, существа крайне не постоянные. Ладно, еще несколько комнат и я ухожу!- крикнула я в пустоту, в надежде, что меня хоть кто-то услышит.

Я еще немного побродила по дому и внезапно для себя самой обнаружила чердак, который был не заперт. Я медленно поднялась и оттолкнула дверь, как будто знала, что найду его здесь. Отец Виктории сидел у большого окна в окружении пустых и полных бутылок, осунувшийся,

грязный и небритый. Он сидел спиной к свету, чтобы тот не резал ему глаза, опухшие и красные. Так выглядел человек, который потерял в этой жизни все, все и еще больше. Ничего теперь не представляло для него ценности. Он убит и душа его мертва. Отчаяние и гнев наряду с опустошенным безразличием читались в нем с ног до головы. От него разило горем. И этот запах душил его и меня.

Ридли поднял голову и не спеша произнес,- кто ты?

Я ответила,- Сэм.

-Как ты попала в дом?- его голос, невероятно мужественный и сильный, пробирал до кончиков пальцев. Вы никогда не ощущали такого, что могли бы слушать голос мужчины вечно, такой он приятный, не смотря на все обстоятельства, сохранивший свою трепетность.

-Через окно. Все двери закрыты.

-Здесь нечего брать. Убирайся...

-Спасибо,- меня поразило нахальство этого господина. Принять меня за воришку?- мне вашего хлама не нужно. Своего полно.

-Зачем тогда залезла в дом?

-Вас провести.

-Волонтер с навыками домушника?

-А знаете, для спивающегося от горя человека, вы довольно остроумны.

-Тебе какое дело?- Ридли поднес горлышко бутылки ко рту и выпил остаток бренди. Осушив дно, он снова был готов к диалогу.

-Мне? Никакое.

-Тогда зачем пришла? Точнее забралась?- отец Вики потихоньку поднялся на ноги и довольно уверенным шагом направлялся ко мне. Стало страшно, особенно, когда он наклонился и после сказанного добавил мое имя.

-Пришла, потому что вам не все равно.

-А, нет, ошибаешься,- произнес Ридли, мотая сжатой в руке бутылкой из стороны в сторону,- мне плевать!

-Зато Виктории не плевать на вас...

-...

Он замолчал, но глядя мне в глаза он будто кричал снова и снова, вороша весь пережитый ужас в голове. Он молчал, выдавая гнев, мимикой лица. Он поджимал губы и фыркал, не переставая пронзительно вглядываться в мои напуганные глаза. Я ожидала удара или пощечины, но он лишь тихо прогнал меня. Тихо произнес,- убирайся!

11: Без компромиссов

-Саманта, ты собираешь вещи?- спросила мама.

-Да, я немного поживу у подруги.

-У Лины?

-Нет. С Линой я дружила в третьем классе. Потом мы переехали жить сюда. Так что нет. И да, ты ее не знаешь.

-Не разговаривай со мной так.

-Как?

-Будто тебе безразлично все, и я в том числе.

-... Нет. Ты мне не безразлична. Но и у меня силы заканчиваются. Я устала принимать на себя удар. Мне надоело учить тебя защищаться и уважать собственное достоинство. Может дело в том, что я всегда была рядом? Теперь ты одна. И тебе необходимо решиться... решиться жить собственным умом. Решиться, и быть смелой. Может, когда меня не будет рядом, ты поймешь, как ценна твоя жизнь. Ты обязана принять решение: жить или уподобиться жизни возле такого как он. Это ведь даже не человек.

-Он твой отец.

-Я не буду сейчас об этом говорить. Я уйду. Номер телефона знаешь. Если что, звони, приеду. Все...

-И что, вот так просто?

-А что сложного? Собери сумки, пошли со мной. Пойми ты, наконец, за тебя никто ничего не сделает. Ты сама должна распоряжаться своей жизнью. Ты ведь в курсе как учат птенцов летать? Их выбрасывают из гнезда. Адреналин заставляет их выбрать: взлететь и выжить, или сдаться и разбиться о землю. Решай мам, выбор очевиден и прост. Тебе осталось решиться, сделать первый рывок и взлететь.

-Как я ему объясню твое исчезновение?

-...скажи, что я умерла...

Так, снова придется лезть через окно? Ну, надо же? Ридли его закрыл. Предусмотрительный какой. Придется лезть через балкон по трубе. Закинув сумки на балкон, я принялась изображать из себя Лару Крофт. Неуклюже правда вышло, с учетом того, что и сумки то я закидывала полчаса, но через двадцать минут я была внутри дома. Хозяин этой гробницы не заставил себя ждать. Сразу принялся проклипать и выгонять.

-Я тебе уже кажется, тысячу раз сказал, чтобы больше здесь не появлялась!

-Остынь Ридли. Я готова слушать тебя годами, но не кричи. Портишь голос. А связки надо беречь...- я прошла мимо него, волоча за собой сумки. И с видом хозяйки осматривала этот склеп.

-Ты что? Жить тут собралась?

-А что? Вполне сносно. Только помыть надо, да подкрасить кое-что. В целом, мне подходит.

-А кто тебе сказал, что я позволю?- серьезный взгляд Ридли мог меня напугать, но я привыкла и к угрозам и к битью, так что добрые, заплаканные глаза отца Виктории, ни сколько меня не убедили в его упорстве прогнать меня. Сейчас ему как никогда нужен кто-то. Кто-то посторонний. Кто-то, кто пожалеет и наоборот, не будет обращать на его горе внимание, словом тот,

кому не все равно, тот, кто поможет вернуться в жизнь. У него и выбора то нет. Я обещала своим голосам помочь. Так что без компромиссов.

12: Vozes¹

Темно. Очень темно. Лишь единому лучу света удастся пробиться сюда. Слышны звуки... кто-то говорит: "é necessário matá-la ele!"², понятия не имею что это. А другой голос отвечает: "não hoje..."³. Первый пытается настоять на своем, нервно произнося свои слова, он будто боится опоздать, не успеть, что-то сделать.

Через малую щель в дощаном ящике я вижу белый плен, потертый и грязный. Плохо, но я отличаю две фигуры, точнее их животы. Один распушенный и широкий, второй крепкий, по нему видно дыхание того, кто говорил спокойным и твердым голосом. Я пыталась понять, о чем они разговаривают, вернее то, что первый пытался навязать второму. Как только голоса смолкли, наступила тишина, в которой слышны были страх, мое сердцебиение и дыхание, звеневшие в моих ушах, исходящих паром от напряжения.

В этой тишине все еще стояли те, спорящие фигуры, их животы не двигались с места, но через минуту тот, что поджарый, ушел, оставив мой гроб наедине с нахальным, нетерпеливым толстяком. Пребывая в полной неопределенности, я вынуждена лишь догадываться о своей участи...

Страшно... Ящик... маленький, давящий на меня, мало кислорода, нет надежды выбраться, избитая и запуганная сижу в клетке в ожидании того как меня растерзают голодные собаки.

- Logo... logo,- произнес первый, стоя перед ящиком. Но сказав это, он, обезумев, припал к доскам с тем единственным просветом и с пренебрежением и ненавистью крикнул будто предупреждая: " muito logo morrerá uma criação!"⁴ В этот момент я откинулась назад к противоположной части ящика от страха. Я запомнила его лицо, его глаза...

Все трое очнулись этой ночью внезапно, но лишь у одной из них был холодный пот на лице. Это Саманта, из плоти и крови, живая, побывавшая в воспоминании Энди. Все девушки видели один и тот же "сон", но лишь для одной это было реальностью, лишь для нее это было невыносимым напоминанием конца ее дней.

-...,тяжело дыша, Сэм сидела на полу, не облокачиваясь на диван, где спала, она сидела, пытаясь осознать, что это сон и ее жизни не угрожает опасность.

¹ vozes (португальский)- голоса.

² é necessário matá-la ele (португальский)- надо уже убить ее.

³ não hoje (португальский)- не сегодня.

⁴ muito logo morrerá uma criação (португальский)- совсем скоро ты умрешь тварь!

Но адреналин, бьющий по всему ее телу, опровергал все доводы рассудка. Она напугана, напугана также как и Виктория, нежное и трогательное существо, еще не потерявшее веру в добро, любовь, счастье и людей.

-Что это было?- спросила Сэм ровным и спокойным голосом, преодолевая оцепенение.

-Последние дни моей жизни...

13: Срыв

Утро.

-И часто у вас сны?

-Почти всегда. Иногда мы просыпаемся в телах друг друга, и нам кажется, что мы переживаем реальность, но это лишь воспоминание. Наши души - хранилище, тайник нашей памяти. И он играет с нами.

-Мне очень жаль, что тебе пришлось пережить все это Энди...- тихим голосом произнесла Виктория.

-...-выражая недоумение, Энди ответила с присущей ей грубостью,- меня тебе жаль? На себя посмотри! Что за бред ты несешь? Жаль? ... - окончательно выйдя из себя, Энди стала кричать, что есть силы,- неееет! Никому и никогда не было меня жаль... и нечего меня жалеть. Тем более тебе... - отдышавшись, крикнула напоследок,- понянятно!

От скопления гнева, от энергии Энди, от ее обиды Сэм упала в обморок, не выдержав напора внутреннего голоса, голоса, заточенного в ее голове, голоса, нуждающегося в помощи.

-Сэм!- не безучастно воскликнула Вики.

-...-а Энди в свойственной ей манере наблюдала за падением Саманты с выработанной стойкостью и выдержкой. Она знала, что причинила вред возможно единственному человеку, который смог бы ей помочь, но сделала она это не осознанно, не желая навредить. Это знали и остальные две, поэтому Виктория и промолчала, так как по натуре своей не любила конфликты и всегда обходила их стороной. Что до хозяина дома, то он сидел в привычной для него позе, в обществе бутылок в запертой наглухо комнате, мечтая заглушить снедающую боль, моля о смерти, укоряя себя за то, что не был на месте своей любимой дочери.

Прошел целый день. Двенадцать часов Саманта лежала на полу, пока не очнулась, наконец.

-Аааа, как же мне нехорошо,- сказала Сэм, приподнимаясь с пола,- от вас такая головная боль, в прямом смысле слов.

-...-Энди молчала, она не любила извиняться, она лишь дышала, фыркая изредка.

-Мой отец... Он совсем плох. Довел себя до такого состояния. Мне больно видеть его таким. Я его не узнаю.

-А каким он по твоему должен быть? Радостным и цветы по полям, собирающим, в припрыжку?- сорвалась Энди.

-Послушай, не у тебя одной незаконченные дела, не у тебя одной проблемы, требующие скорейшего разрешения, и ты не одна, так что прекращай срываться на всех! - посмелев немного, заявила Виктория.

-...-а в ответ молчание.

-Ладно, давайте разбираться с вами, пока я к вам не присоединилась...- Сэм.

14: Несколько месяцев до...

Радость. Меня переполняет радость. Я стою в окружении цветов, окутанная сладким запахом нектара. Стою, счастливая, вдыхая этот аромат, запоминая его. День прекрасен. Он солнечный и теплый. Ветерок мягко касается лица, лучики нежно греют тело. Весна чудесна... Моя весна... Я хочу запомнить все: и смех, и ласку дня, приветливый дождик, утреннюю росу, улыбку мамы, улыбку отца. Как же я хочу не упустить ни единой мелочи, вложить в память все, что успею... а успею я не много.

Надо быть сильной... сильной. Да... надо держаться и еще раз держаться, но иногда... хоть однажды могу я позволить себе немного жалости к своему несбыточному будущему, к своей несыгранной роли? Поплакать над тем, чего у меня никогда не будет, над тем, чего мне никогда не ощутить: первой любви, головокружительной и бурной; романтических встреч и прогулок под луной; никто и никогда не прижмет меня к своей груди, не обнимет так, будто я - весь мир для него; ни горячих губ, ни страстных поцелуев; ни свадьбы и детей; не будет дома и семьи; и старости не будет. Ничего не будет. И меня тоже.

Я не стану любящей женой и заботливой матерью. Мне не дано прожить жизнь со всеми ее радостями и горем, поворотами судьбы. Меня будто изгнали из этого мира, вытолкнули с тропы, ведущей по жизни на мрачную полосу смерти, одинокую и холодную, на которой нет ничего, кроме сожалений, оправданий и людей, потерянных и обреченных наблюдать за жизнью с тусклого берега реки, с земли мертвых, с земли изгнанных душ. Мой век окончится именно там, у черного мрамора берега Стикса. И я кану в Лету, и имя мое смоем водами забвения.

-Солнышко мое, о чем думаешь?- спрашивает мой любимый папа, обнимая и говоря будто я не больна и вовсе ни чем не страдаю.

-Ни о чем папа, все хорошо... все хорошо.

Могу ли я жаловаться вслух? Ведь отцу моему не легче. Он потеряет часть своего возможного будущего, его планы не осуществляются. Ему придется научиться жить заново. Возможно, когда я уйду, маме станет немного легче. Может тогда она возьмет себя в руки? Сейчас для моего папочки тяжелейшее время, он вынужден заботиться о двух капризных детях: слабой жене и умирающей дочери. Кто знает, что ему еще придется пережить за это время, пока горит моя свеча.

15: "... не совсем..."

Поздний вечер.

-Эй, ты!- крикнула Саманта, стуча в дверь хозяина дома.

Ответа не последовало и, тогда Сэм отправилась в кладовую.

Она спускалась по лестнице вниз в темноту, спотыкаясь о разноразный хлам, оставленный здесь безнадежно убитым горем отцом всякий раз спускающимся за новым запасом выпивки. Сэм переступала через все предметы, ругая их, ругая хозяина дома, ругая тех, кто эти предметы изобрел и продал этому человеку. Произнося один пасквиль за другим, Сэм удалось добраться до дна "колодца", так она называла кладовую, и включить свет.

Как только она нажала на выключатель перед ней открылась еще более печальная картина: беспорядок, сломанная мебель, из которой в основном были шкафы для старого тряпья, да полки для такого же не представляющего ценности хлама, наверное именно поэтому их и сослали в кладовку; битые бутылки, всюду пыль и высохшие багровые потеки на полу, вероятно от вина. Вдохнув, как обычно бывает в предвкушении нежелательной кучи дел, Саманта поджала и слегка растянула губы в улыбке. Такой твердой, что в дополнении с ее взглядом, пронзительно убивающим, будто перед ней стоит величайшая глупость на свете, подняла топор, аккуратно прилегающий к стене, небрежно хлопнула выключатель, и отправилась наверх, сквозь наваленный на ступени хлам.

Вновь представ перед запертой дверью комнаты Ридли, это был второй этаж, та самая комната с балконом, так пугавшим Викторию, Сэм предупредила: "если не откроешь, я сломаю дверь!" Выждав минуту, она сказала: "как хочешь..." и начала бить топором деревянную дверь. Делала она это усердно, даже не произнеся ни слова и, по мере того, как летели щепки, все больше становились просветы, в которых виднелся Ридли, лежащий на полу. Ее стало пугать положение дел, топор заработал быстрее и с двойным усилием, теперь из ее уст сыпались умаления и просьбы о том, чтобы ничего не случилось и, чтобы отец Виктории был жив, мало ли что может случиться в его состоянии, да еще и перебрав спиртного, хронически перебрав.

Сломав, наконец, замок, Сэм ворвалась в серую комнату, отбросив топор, она кинулась к лежащему на полу Ридли и лихорадочно начала его трясти, причитая "нет!", "ты что?", "как так можно?", "вздумал в мое дежурство откинуться?", "блин", "просыпайся, пожалуйста!" и на последних словах хозяин дома очнулся от невыносимой тряски с недовольством и непониманием ситуации.

-Что? Кто? Ты кто?- просыпаясь, фыркал Ридли, отбрасывая от себя руки испуганной Саманты с пренебрежением и пьяной изнеженностью.

-Дегенерат несчастный...- спокойно произнесла Сэм, награждая Ридли своим фирменным взглядом, как говорили окружающие, взгляд, будто перед тобой не человек, а унылое дерьмо, недостойное существования, причем без надменности и презрения, а было это выражением полного отчуждения от тупости и вероятного отсутствия элементарной логики.

Бросив несчастного Ридли, Саманта переступила через него и отправилась вон, провозглашая на весь дом "идиот!", сжимая при этом кулаки.

Не прошло и десяти минут, как новая обительница пещеры вернулась. Как бы ее описать? В руках она держала ведро, причем прямо перед собой, как бы скрывая нечто ужасное. Ползающий по полу пьяный Ридли окликнул ее небрежно и смешно "ведерочко?!", а Саманта, растянув губы в саркастической улыбке, ответила "не совсем", убрала ведро и следующее, что успел ощутить Ридли это холодную струю воды, которую Саманта безжалостно направляла на отца Вики. Струя не была слишком сильной, чтобы не суметь ее преодолеть, но Ридли был не в состоянии преодолеть даже малое физическое препятствие, поэтому воды натекло много, и хозяин дома, на минуту отрезвев, стоя на коленях - это все, на что хватило сил, ну и на бесполезные перекрывания струи руками, крикнул во весь мужской голос, который так нравился Саманте "хватит!" и ведро вернулось в исходное положение, собирая воду.

-Смотри, что ты наделала,- вытирая лицо от капель рукой,- как теперь это убирать? - указывая ладонью вытянутой руки на устроенный беспорядок.

-Ой?- язвительно,- извини, я помешала тебе полы слюнями мыть? Или ты собирался грязь с пола слизывать?

-Я тебя...- пытаюсь сделать шаг, на коленях Ридли тянул руки к Саманте, пытаюсь, ухватится за нее, чтобы заставить окунуться в свежее озеро, но Сэм отступила назад с неизменным выражением лица.

-Я польщена таким вниманием...- выдохнув и переведя взгляд на потолок, она обнаружила дыры даже там.

Пока хозяин дома пытался выплыть из своей комнаты, преследуя Саманту, отсоединяющей шланг от крана в ванной на втором этаже, прозвенел звонок в дверь.

16: Чейн

Улица. Почти за полночь. Народа мало: лишь клиенты, забирающие товар. Облокотившись на кирпичную развалину, расписанную граффити, стоит мальчик лет двенадцати, его лицо выражает нервозность, от которой он качается немного.

Подъехала машина. Оттолкнувшись ногой от стены, маленький дилер двинулся на встречу к покупателю, покусывая спичку. Мальчик открыт, он как на ладони, а вот лиц, сидящих в машине не видно, там темно. Недоверчиво юный торговец подходит к машине, отчаянно скрывая страх, пытаясь быть как можно круче, присасывая и отпуская спичку. Он смотрит по сторонам, исключая угрозу - наглых копов, которым не терпится упечь побольше черных за решетку, но вокруг лишь проститутки, в машинах по углам их сутенеры, да мусор на асфальте с поднимаемыми в воздух газетами со статьями о новых убийствах, изнасилованиях, несправедливости и жестокости на улицах района. По мнению парнишки "все чисто".

Стекло автомобиля опустилось и рука, требующая, свой заказ выглянула изнутри, мальчик наклонился, чтобы отдать товар и его хватают под локоть, пытаясь затащить в машину через окно. Ночные бабочки быстро прячутся по норам, избегая поимки. Парнишка в панике, он пытается освободить руку из тисков какого-то урода, чье лицо не видно, тусклый свет жалкого уличного фонаря не способен его прояснить. Мальчик бьет ногой дверь машины, упираясь в нее другой рукой, но не получается избавиться от крепко сжимающих лап. Усердие обоих держит ситуацию на равных, но мозг мальчика включился, преодолел испуг и подсказал вытащить из кармана газовый баллончик. Примитивный и "женский" метод самообороны сработал. Маленький дилер прыснул неизвестному в лицо содержимое баллончика, попал он не с первого раза, назойливый покупатель не сдавался и долго не разжимал рук, но в итоге и ему нужно дышать, а захлебываясь газом и щуря от кислотности глаза, долго без кислорода не протянешь и он отпустил мальчика, откашливаясь.

Только неизвестный разжал руки, парнишка пустился бежать, а его покупатель вышел из машины, задыхаясь, упал на давно треснувшую смолистую массу - покрывало для дорог, ослабляя галстук на шее.

Тем временем мальчик бежал и бежал до тех пор, пока не прибыл на руины под мостом - место обитания его нынешних знакомых - хулиганов-подростков, не то что бы друзья, даже не знакомые, а тусовка - ширма имиджа, от которого хотела избавиться этого юнца Энди - его сестра.

Переводя дыхание Чейн, так звали брата Энди, стоял, опираясь руками на колени, а его круг общения стоял, окружив металлический мусорный бак - импровизированный камин, грелся от огня. Они заметили его спустя, может, минут пятнадцать, пока все это время мальчик пытался перешагнуть через произошедшее, ведь это его первый опыт, первая попытка не попасть за решетку, что очень просто и очевидно для молодых и не опытных дельцов.

17: Гость

Услышав звонок в дверь, Саманта была удивлена, да и правда, кому вдруг понадобилось беспокоить пьяницу, не выходящего из дома и которого никто не видел, при запертом то доме?

-Почтальон? Гони его,- почти отрезвевший хозяин дома проворчал.

-Почтальон? И что он тебе приносит ночью?- холодно спросила Сэм, спускаясь по лестнице и одновременно наблюдая то, как отец Виктории приходит в себя, выползая из комнаты.

"Может это полисмен интересующийся движением занавесок на балконе, выдуваемых из комнаты Ридли ветром?" Она подошла к двери, посмотрела в глазок и увидела мужчину при ухоженной бороде в обычной одежде, с собакой, ожидающий отклика с напряжением и явным пересиливанием себя, ему тяжело нажимать на звонок, но он касается его еще раз, прикусывая нижнюю губу, он явно борется с самим собой.

Дверь открылась, и голова обивающего порог гостя поднялась, и взгляд упал на Саманту.

-Кто ты?- удивленно спросил мужчина, оглядев сначала Сэм, а потом, смотря за нее, пытаясь увидеть в доме кого-то другого.

-Ну а ты кто?- пассивно и все с тем же взглядом ответила вопросом на вопрос Саманта.

-Я Гэршон...

-И? Мне это что-то должно пояснить?

-Я брат Ридли.

Непроизвольно у Сэм вырвалось: " Виктория не говорила о брате." На что Гэршон, наблюдая за ее диалогом с самой собой, спросил:"Ты подруга Виктории?" В этот момент зазвучали кости хозяина дома, падающего с лестницы, перекатываясь по которой он на каждое касание ступени восклицает: "ой! ау! у! а! И как в типичных американских комедиях двое у дверей качают головой вверх вниз в унисон прыгающему по лестнице Ридли и подошли к нему только когда он благополучно приземлился на полу с протяжным:"ааууу".

Гэршон отпустил собаку, это черный лабрадор, и пытается поднять своего брата на ноги.

-Ридли! Ты как Ридли?- всерьез обеспокоенный гость.

Саманта наблюдала за всем со стороны, пока Гэршон не спросил, почему Ридли мокрый и такой вонючий. Собака, тем временем виляя хвостом, стояла, рядом перебирая лапами, пытаясь чем-то помочь или наоборот, пытаясь не наступить на массу алкоголя, обремененного телом, от которого в действительности разило до невозможности.

-Это ты ему брат, вот и скажи чего это он такой вонючий?!- не с обидой, но с возмущением ответила хранительница двух душ.

-Ладно, давай не будем ссориться, помоги мне его перетащить на диван.

Две фигуры аккуратно несли мокрого Ридли, который все никак не протрезвеет и не очнется, к дивану, куда его и положили. Стоя напротив двое смотрели друг на друга, не представляя, что говорить и что делать. Гэршон неловко посмотрел на часы- 01:38, и сказал, что пора спать и лучше им завтра все обсудить, а пока он расположиться на одном из кресел.

Уступив родственнику, Саманта молча ушла на кухню.

-Сэм?!- Энди обратилась к своим глазам и ушам.

-А я уже начала отвыкать от вас. Вы не контролируете свои отключки?

-Нет, к сожалению... Сэм, ты должна найти моего брата, сейчас.

-Почти два часа ночи Энди?

-Я знаю, но у меня дурное предчувствие...

-Вы же что-то вроде бестелесного эфира с памятью, как вы можете чувствовать?

-Я не знаю!- раздражаясь, кричит Энди,- пожалуйста, Сэм, я прощу тебя!

Не в силах отказать мольбе, да и при том, что у Ридли объявилась новая сиделка, Саманта согласилась и поехала на поиски Чейна.

18: Адская кухня

-Я надеюсь, что меня не убьют по прибытии на место...

-Что вы сказали?- спросил любопытный таксист, любезно согласившийся отвезти меня на другой конец вселенной, во всех смыслах, за двойную плату.

-Ничего.

А вот и Адская кухня. Подходящее название для района, ведущего войну с другими преступными группировками. Ночь и я посреди самого опасного места, одна. Великолепно...

-Куда идти?

-Я не знаю...

...- подавляя кипящее недовольство, Сэм все таки успокоилась и ответила, потому как может понять переживания Энди,- ладно, пройдемся по кварталам, может, избежим неприятностей на пятую точку, хотя с трудом верится, что это возможно.

Набросив капюшон толстовки Саманта, сунув руки в карманы, побрела по пустым улицам Адской кухни, где попадались и просто идущие домой после смены официантки и нахальные придурки, которых лучше обходить стороной.

-Так как это у вас происходит, ваши отключки?

-Я не знаю, я не такая умная, как Вики, она возможно способна понять это.

-Где она?

-В отключке. Ее сейчас здесь нет.

-Она исчезла?

-Что то вроде.

-mmm, может она рядом с отцом?

-Мы не приведения, мы не можем находиться непосредственно рядом с теми, кто нам дорог. Мы твой внутренний голос, я не знаю, как объяснить. Ты слышишь нас, но мы не стоим рядом и не шепчем тебе в уши, мы у тебя в голове, мы твой сон, галлюцинация или совесть, я не знаю, я лишь сгусток памяти, каким-то образом, оказавшийся в твоём мозгу. Я не знаю, как и почему, но я понимаю одно, что времени у меня мало, и я боюсь, что могу не успеть довести дела до конца. Эти отключки напоминают разрыв пленки на экране телевизора, помехи и я не способна запомнить то, где я во время отсутствия, я лишь здесь, в твоей голове, когда я нужна, очевидно.

-А у вас здесь "уютно"...

-Да, приятного мало... - сказала Энди сидя вплотную облокотившись к белой стене, прикасаясь ладонью к проекции тех мест, которые при жизни имели для нее значение.

Она сидела, прислонившись к холоду воспоминаний. Только она знала, как ей тяжело, только она гасила обиды и разочарования в себе и, никто не видел, когда ей больно и плохо, никто не сожалел об ее уходе, никому не интересны были ее переживания, она никому не была нужна... Она... сильная и независимая, упорная и смелая, но одинокая и потерянная. Было ли у нее время думать о себе? Возможна была ли другая участь для нее? Для той, которая ставила интересы родных выше своих, мечты брата были для нее ценнее ее жизни, любовь и забота... а были ли они у нее? Была ли она любима? Была ли она жива? Жила ли она для себя?

Энди сидела в пустой белой комнате, где не было ничего кроме простыни на стене и занавесей у открытого окна. Энди не плакала, она не привыкла показывать свои чувства никому, она научилась их скрывать, она так жила, такие были правила. Она лишь сидела в напряженном ожидании, надежде увидеть своего брата.

А Сэм брела по улицам, квартал за кварталом, минуя неприятные сборища, выкрикивающих непристойности, шла, мимо тусклых фонарей, наркоманов под мостами, бездомных в картонных коробках, веселых компаний и патрульных машин, которых было не так много. Всюду нищета, грязь и наркотики. Лица женщин, выглядывающих из окон в поиске своих детей, не выдавали ничего кроме усталости и гнева. Слезы не для этого района, живущие здесь люди привыкли выживать, сражаться и умирать. Все пропитано болью и насилием, надежда покинула Адскую кухню, осталось лишь отчаяние и ярость. Дышать невозможно, в каждом доме, в каждом окне и темном закоулке подстерегает опасность. Тебя могут убить за апельсин или изнасиловать на собственной лестничной площадке, безопасность - не то слово, которым мы привыкли крестить свои квартиры, здесь ключевое слово- берегись- предупреждение с которым эти люди встают утром и ложатся спать ночью.

Саманта не могла представить свою жизнь в одном из таких кварталов. Она шла дальше, убеждаясь в реальности происходящего: она была рада, что наконец может участвовать в чем то важном и серьезном, быть героем в своей жизни, сыграть в ней главную роль, но с другой стороны ее страшила та пучина, та волна, через которую ей придется пройти.

Обе девушки погружены в свои мысли: одна бредет по опасным улицам, другая иступленно ждет, но сегодня мальчика им не найти, не сегодня...

19: Возвращение

-Мне жаль, что не удалось найти твоего брата.

-Мне тоже...

-Что такое?- голос Виктории.

-А, ты где пропадала?- Сэм.

-Я, я... нигде... я не знаю. Что-то произошло?- Вики.

-Да, мы не нашли брата Энди, но зато объявился брат твоего отца!

-Что? Гэршон?- с удивленной радостью спросила Виктория,- это замечательно, надо же, поверить не могу...

Сэм разделяла радость Виктории, но не могла не заметить огорчение Энди.

-Энди... не волнуйся, пожалуйста... мы найдем твоего брата, мы найдем...

-Чейна, его зовут Чейн,- произнесла Энди обреченно.

-Да, мы найдем его,- Саманта.

-Только бы хватило времени...

-Хватит, не беспокойся Энди, мы успеем,- с надеждой провозгласила Виктория, но сказав это, увидела, что Энди в комнате нет.

-Почему Энди не отвечает?- Сэм.

-Ее здесь нет,- с грустью заметила Вики.

-Мне и впрямь не понять сути ваших приливов и отливов...- Саманта.

-Дело в том, что мы не можем это контролировать, понимаешь, мы - это очаги возбуждения в твоём мозгу, наше присутствие зависит от эмоций, как только они зашкаливают, мозг нас отключает, предостерегая тебя от перенапряжения. Чтобы избежать повторного обморока... Мы - раздражители, а твой мозг- барьер, охраняющий твоё здоровье.

-Знаешь... тебе всего пятнадцать, а такое ощущение, что я с Ганди разговариваю...

-И тебя я раздражаю?

-Нет, не так. Просто удивительно, сколько ты всего знаешь, чем интересуешься... многим и больше, за малое время...

-Спасибо...

Саманта вошла в дом, который теперь был не заперт и, казалось, что свет заходит в него через окна и туман скорби начал выветриваться свежестью утра.

В гостиной, на диване никого не было, Сэм бросила рюкзак на пол и двинулась на поиски хозяина дома. На кухне она обнаружила гостя, который пил воду, облокотившись локтями на стол, а его собака верно лежала рядом.

-Тебя не было ночью, значит приходишь к утру. Где ты живешь? Далеко приходится ездить?- поинтересовался брат хозяина особнячка, но Саманта лишь сдвинула брови, одарила своим специфическим взглядом и пошла к холодильнику, переступая через раскинутые ноги гостя. Стоя за его спиной, она смотрела в пустой холодильник и от безысходности налила себе воды, обошла стол и облокотилась на него также как и стоящий напротив мужчина.

-Не любишь отвечать на вопросы?- спросил Гэршон, в упор глядя на собеседницу.

-Не отвечаю на глупые вопросы.

-И что же в моих вопросах глупого? Я ведь не могу читать твои мысли?

-Это и бесит,- сказала шепотом Саманта, ставя стакан на стол.

Сэм ждала каких-нибудь указаний от Виктории, но не чувствовала ее присутствия. Она подметила закономерность: ее внутренние голоса не могут говорить в чьем-либо присутствии, они способны разговаривать с ней только наедине, когда никого кроме Саманты нет. Это было и странно, и нет: им нужна помощь, но как помочь, если не знаешь что делать?

-Так кто ты? Вчера поговорить не удалось?

-Сэм. Здесь живу второй день. Виктория попросила приглянуть за отцом, боится, что он наложит на себя руки.

-Что значит боится? Она умерла...- недоуменно произнес Гэршон.

-Я не собираюсь тебе рассказывать, как мы познакомились и о том, что она попросила меня сделать, я просто здесь и все. Ты лучше скажи, где твой брат?

-Он заперся в комнате... э... комнате Виктории.

-С бутылкой?

-Наверное, да, он как проснулся и меня увидел только фыркнул презрительно, и ушел.

-Мне надоело, его нужно привести в чувство и помыть, ты сам сказал, что от него воняет.

-И как долго он так себя ведет?

-Это я ему родня или нет?- почти грубо спросила Саманта.

-... Не всегда родные это близкие люди, не всегда семья это те, за кого отдашь жизнь. Не у всех кровные узы соразмерны душевным, и не у всех они сильны.

Сэм слушала гостя внимательно, убавляя раздражение, потому как понимала, какого это, когда родной человек тебе совершенно чужой. Она смотрела на Гэршона уже не со свойственным взглядом, а с интересом, как бы опуская свой щит, ослабляя защиту, доверяя... по крайней мере, начиная доверять, возможно, впервые в жизни.

Перестав пререкаться, двое гостей маленького особняка поднялись наверх за хозяином этой пещеры с намерением вывести его из коматозного состояния.

-Ридли?!- воскликнула Сэм, стоя у двери, в то время как Гэршон в изумлении наблюдал за озером в комнате брата и искромсанной топором двери.

-...,- ни звука в ответ.

Потеряв терпение, Саманта пнула дверь и обнаружила, что она не заперта. Как только дверь открылась перед взором гостей предстал сидящий на полу Ридли, держащий в руках фотографию дочери в рамке.

-Эй,- сказала Сэм, пытаюсь обратить на себя внимание.

-Еще раз окатишь меня водой из шланга, я тебя им к столбу примотаю,- отчетливо заявил старший брат.

-Трезвый?- поинтересовалась Саманта.

-А ты всегда такая нахальная?- спросил Ридли и перевел взгляд на своего брата,- и зачем ты здесь?

-Семейные драмы после обеда, а сейчас, душ, томатный соус, все что угодно, только помойся... пожалуйста.

-Я так понимаю, что если я не соглашусь, ты насильно затащишь меня в ванну?

-Ты что, тащить тебя на себе? Поливать тебя из шланга куда удобнее.

Хозяин дома молча встал, аккуратно положил фотографию на место и вышел из комнаты, прикрыв дверь, и также, молча направился в ванную.

-А у тебя есть подход к детям,- подметил Гэршон.

-Смотри, чтобы мой подход не коснулся тебя,- язвительно добавила Саманта.

20: Спящая красавица

-Спящая красавица!- толкая рукой, Гэршон будил Саманту, спустя два часа после отправки Ридли в душ. Будил долго, не мог растолкать, но когда получилось, он не ожидал такой реакции: Сэм подпрыгнула, начала отмахиваться от Гэрсона руками, не позволяя ему дотрагиваться до нее; через несколько секунд она пришла в себя, успокоилась и только мокрые глаза выдавали какой-то ужас, таящийся внутри, нечто, что она скрывает и чего боится,- ладно, ладно, я не трогаю, все хорошо.

-Сколько времени?- спросила взбудораженная Сэм.

-Всего пара часов прошло...

-Ридли помылся?

-Да, сидит на балконе в чистой одежде и от него больше не воняет, и он без бутылки. На все вопросы ответил? Стараюсь на тебя походить.

На лицо Сэм вернулось прежнее выражение лица, ее бесило в тот момент абсолютно все: улыбка Гэрсона, его осанка и его собака, не оставляющая хозяина ни на минуту.

-Все нормально?- спросила Саманта тихим и спокойным голосом.

-Да,- ответил гость в ожидании поощрения, а Сэм он сейчас казался похожим на своего пса, она так и видела его с высунутым языком и часто дышащим в предвкушении куска мяса, отвратительно.

-Тогда,- тихо,- какого,- с нарастающим недовольством и громче,- черта, ты меня разбудил?!

-Тише, тише ты, амазонка. Ты беспокойно спала, стонала, я испугался... и к тому же у тебя слезы текли. ... И заканчивай смотреть на меня как на тухлое яйцо.

Уставшая Сэм была бы лицемеркой, если бы сказала ему, что лучше бы он ее не будил, потому как вновь и вновь переживать отрывки жизней своих новых "подруг" не только тяжело, мучительно, и своих кошмаров хватает. Саманте постоянно снится ее отец и мать и то, как он над ними издевается. Она ушла из дома и не знала, что с ее матерью, что творится дома и сколько у мамы новых синяков.

-Извини меня, ты устала, поспи, если хочешь,- заботливо разрешил Гэршон.

-Спасибо, я тебя спрашивать буду?

-Почему ты такая агрессивная?- спросил младший брат, присев возле дивана, где сидела Сэм.

-Убери свою собаку с дивана!

-Не любишь животных?- вопрос за вопросом сыпал Гэршон, всматриваясь в глаза Саманты,- давай познакомимся, ведь нам жить здесь, хоть и не долго.

-Я уже называла свое имя.

-Да, Сэм, я помню. Меня зовут Гэршон,- сказал гость, протягивая ладонь для рукопожатия.

-Что за имя такое дурацкое "Гэршон"?- как всегда неподражаемая Сэм.

-Родителей спроси.

Молчание. Все умолкли, но Гэршон все продолжал смотреть на Саманту, пытаясь ей понравится. А Сэм смотрела на него. Она заметила большое внешнее сходство братьев, и даже голоса были похожи. Перед ней сидел мужчина тридцати лет, ухоженный и с добрыми глазами, в них была грусть, скрытая где-то в глубине, но они все-таки сияли радостью и блестели. Для нее, глаза - самое прекрасное в человеке, а в мужчине тем более. Еще голос, она обожала терпкий, чуть ниже среднего, отчетливый и звонкий мужской тембр, напоминающий рев тигра или льва, но не рычащий, а более мягкий. Для нее это музыка, а если мужчина с таким голосом поет, то большего наслаждения и желать нельзя.

-В доме совсем нет еды...- спустившаяся на землю Саманта.

-Я купил, обед на столе, ты ведь не ела ничего.

Она смотрела на него с улыбкой, ведь никто из мужчин не обращался с ней так нежно и вежливо.

-А он поел?- указывая головой в сторону второго этажа.

-Я оставил еду на подносе, еще не проверял.

После обеда, Сэм довольно быстро смела овощи и жаркое, она решила продолжить поиски брата Энди. Когда она переодевалась по коридору шел

Гэршон, успевший убрать на кухне. Она не заметила его и меняла одежду медленно и спокойно, а Гэршон наблюдал. Его внимание приковано к ее телу: ногам, взгляд поднимается снизу вверх и прикрывающая черное белье длинная майка снимается прочь и, глаза ведут взор все выше, задерживаясь на спине, ее плечах, затем шее. Видимо почувствовав что-то Саманта повернулась, но младшего из братьев уже не было в коридоре, он стоял за стеной, прильнув к ней всем телом, прячась от Сэм. Она оделась, сверху привычную толстовку, за спину рюкзак и отправилась обратно в Адскую кухню. А Гэршон все стоял у стены, с кухонным полотенцем на плече, которое сжимал своей сильной рукой.

21: Да

-У моего отца прогресс, он не пьет больше,- радостная Виктория.

-Да, поздравляю, он под присмотром, поэтому может подождать, а вот где искать твоего брата Энди?

-Дома его не будет.

-Почему так уверена?- Сэм.

-Потому что он обещал убежать, если меня не будет рядом.

Измученная, но теперь не голодная Саманта искала Чейна при свете дня. Она все-таки заглянула домой к Энди и не обнаружила там никого кроме обкуренной матери, которая, в прочем, не пустила ее на порог. Осмотрела она все места, где появлялся братишка, но безрезультатно, Сэм даже в полицейском участке была, но и там ничего. Проведя день в бесполезных поисках, ей пришла идея навестить Ричи.

-Что? Ты больная? Соваться к нему?- Энди.

-А что ты предлагаешь, скитаться тут днями и ночами пока меня не пристрелят? Он должен знать, где твой брат, если и правда, любил тебя. И тем более, я ведь вас двоих в лицо не знаю, у него должны быть ваши фото, ну или хотя бы твое.

В словах Саманты была логика и Энди понимала это, она боялась снова столкнуться с Ричи, она не хотела бы узнать, что это он заказал ее убийство, не хотела бы узнать, что он ее не любил. Возможно, глупо, но она не хотела покидать этот мир, с мыслью, что никому не была нужна.

Энди рассказала Саманте куда идти и как себя вести, с учетом особенностей их общения (исключительно наедине) это полезно, при том, что предстояла встреча не из легких.

-Ты куда?- грубый и kloкочущий голос остановил Сэм у входа в пятиэтажный дом из красного кирпича с притертыми оконными рамами и сыплющейся штукатуркой.

-Мне нужен Ричи.

-Ха, Ричи ей нужен, смотри какая резвая. Больше никто не нужен киска? Нас здесь много,- нагло заявил парень без майки, его кубики на животе сокращались от смеха, вот только смешно Саманте не было. Она одна, а вокруг как минимум пятеро мужланов, привыкших брать все что хочется без разрешения, насильно и тем более базука в руках у "швейцара" отнюдь не смешила.

-Как тебя зовут?- набравшись смелости и, скрывая страх, спросила Сэм глядя прямо на парня с оружием.

-Зачем тебе мое имя, мы не будем разговаривать, твой рот будет занят,- и снова покотился смех, а Саманта боролась со страхом.

-Мне нужно будет назвать твое имя Ричи, когда он узнает, по чьей вине он упустил информацию об украденных наркотиках на полмиллиона,- выпалила Сэм и уже через пять минут, не тронутая и пальцем, стояла перед Ричи.

-Кто ты и что знаешь об украденной партии наркотиков?- сурово спросил знакомый Энди, которой так не хватает в голове Саманты.

-Сэм, я знала Энди,- остановилась, заметив нож в руке у Ричи, он подходил ближе, разглядывая посетительницу.

-Где мои наркотики?- нетерпеливо спросил он.

-Я расскажу, если ты уберешь нож,- этот ультиматум был встречен угрозой и Ричи уже стоял возле Сэм, крепко держа ее челюсть одной рукой, а второй вбивал нож в шею, с нажимом, но чтобы не порезать, а напугать.

-Ты расскажешь мне все сейчас: где мои наркотики и где носит Энди?

Удивление повисло в голове Саманты огромными буквами, неоновой вывеской, транспарантом, если угодно, но она не могла понять, почему такой близкий человек не знает что с ней произошло, тем более, что его подозревают в ее убийстве.

-Она мертва... ее убили,- Ричи ослабил хватку, убрал нож от шеи Саманты и в шоке отступал назад с выражением тоски и боли на лице.

-Что?- в надежде услышать обратное переспросил Ричи. Он был готов принять предательство с ее стороны, но не гибель, он бы не простил ее, но жить без нее невыносимо. Это написано на его лице. Он, еле нащупав опору свободной рукой, рухнул на стол, облокотившись на него в полном отчаянии. Он стоял у стола, опустив голову, пытаясь осознать новость, разрушившую его душу. Но задавая важный вопрос, он поднял полные ярости глаза и спросил,- кто ее убил?

-Я не знаю их имен, могу лишь размыто описать, узнать если увижу, разговаривали они толи на испанском, толи на еще каком- то языке.

-Это не информация, а кусок дерьма, здесь половина района латиноамериканцев, португальцев и еще куча отбросов из-за границы, предлагаешь их всех перебить?

-Если ты ее любил, то для тебя это пустяк, можно всех убить.

-Не смей так со мной разговаривать,- вспыхивший Ричи снова угрожал Саманте ножом, держа его теперь прямо перед ее лицом.

-Слушай, я пришла за братом Энди, я нигде не могу его найти.

-Здесь его нет,- опустив нож, сказал Ричи.

-Тогда где он?
-Я думал, что Энди решила меня кинуть и уехала с братом и моими деньгами, обшарил все в районе, они исчезли.
-Где же теперь его искать?
-Откуда ты знаешь, кто убил ее?
-Я просто знаю, не могу объяснить, я видела это своими глазами, но меня не было рядом. Это сложно и непонятно мне самой, но я должна докопаться до истины и найти Чейна.
-Почему я должен верить тебе, тем более, что ты не можешь толком все объяснить и несешь какой-то бред в стиле Вуду?
-Потому что ты доверял Энди, потому что любил ее, иначе бы не носил крест, который она подарила тебе, он достался ей от отца, точнее она сняла его с него, когда того убили в перестрелке пятнадцать лет назад. И потому что называл ты ее настоящим именем - Эванджелин, и целовал ее в шею на прощание, когда уходил.
-Этого мало,- недоверчиво сказал Ричи.
-Пусть мало, но я не говорящая с призраками и врать не собираюсь. Мне лишь нужно выполнить обещание, с тобой или без тебя... но с тобой было бы легче... Так ты поможешь мне?
-... Да.

22: Лихорадка

Договорившись с Ричи Саманта, отправилась в дом Ридли, где как всегда стояла тишина, она не обнаружила Гэршона и, волнение пронеслось по коже рябью. Преодолев лестницу, она вбежала в комнату хозяина дома, тот сидел на привычном месте.
-Ты здесь,- выдохнув, сказала Сэм, опираясь спиной на дверной проем, согнувшись и с облегчением расслабив руки.
-А куда я должен деться?
-Кто знает? ... Почему ты не ел? Обед был вкусным,- спросила Сэм, указывая на полую еду тарелку, нетронутую, стоявшую на полу.
-... Не хочу,- вздыхая, прошептал старший брат, поглаживая пса Гэршона, лежащего рядом.
-Я понимаю, но тебе нужно питаться, хоть иногда.
-...
-Ладно, давай паяться в горизонт вместе,- заявила Сэм, усевшись рядом с Ридли.
-... Кто ты такая?- вновь поинтересовался отец Вики, надеясь на ответ.
-Кто? Кто? Герой в трико.
-Хм,- Ридли почти улыбнулся.

Подметив хорошую реакцию, Сэм продолжила говорить смешные глупости, чтобы Ридли начал оттаивать потихоньку. И когда это произошло, ее собеседник начал задавать вопросы в духе дружеской беседы, вполне здоровым голосом, без обреченности и грусти,- нет, правда, кто ты?

-Я - никто, просто ангел-хранитель.

-В... Вик...то...ри...я,- с трудом давалось ему произнести имя дочери и глаза наполнились слезами, но он их подавлял, поднимая голову выше и вытягивая шею вперед, как бы сглатывая горечь, подступающей к горлу,- тебя попросила приглядеть за мной?

-Что- то в этом роде. Я просто здесь и... я не дам тебе спиться.

-А больше ничего и нет, погребок не бездонный.

-Мне уже легче, а будет еще лучше, если ты поешь...

-Я не хочу, не могу, не лезет.

-Впихни! Мама что ли в детстве не заставляла кушать? Ты мне нужен! Я не собираюсь одна убирать весь этот бардак! Тем более озеро в твоей комнате.

-Ха,- тихо улыбнулся Отец Виктории,- у тебя есть помощник,- сменившись в лице, произнес Ридли,- зачем ты его позвала?

-Я его не звала, я понятия не имела, что у тебя брат есть. И что между вами произошло такого, что вы не общаетесь?

-...- промолчал старший брат, нахмутив брови - явный признак того, что на сегодня терапии достаточно.

-Ладно, завтра уборка, после завтрака, и отлынивать, не получится,- сказала Сэм, оживленно, но повернувшись в сторону лестницы и выйдя из комнаты, шепотом добавила,- ненавижу убирать...

После долгого дня Сэм легла спать. Сон. Саманта сидит в ящике и ждет смерти. Она сидит на месте Энди, она и есть Энди, также как и Виктория сейчас. Всех троих объединяет эмоциональная связь, не объяснимая, но существующая.

Сэм сидит, не воспринимая бег времени, дни съеживаются до минуты, вероятное внутреннее кровотечение, сломанные ребра и перебитые почки лишь маленький отголосок всего, что пережила Энди. Она сидит в полусознании, не находя силы моргать, опухшие веки и почти выбитая челюсть находятся в постоянном напряжении, не смея двинуться, каждое мышечное сокращение отдается невыносимой болью во всем теле.

Крышка ящика открывается, полился яркий свет, от которого глаза раздражаются еще больше, сломанные запястья не могут подчиняться мозгу и защитить их от режущих лучей. Саманту грубо бросили на пол, начали бить ногами, на одном из нападающих были сапоги с металлическим наконечником, то и дело впивающимся в тело, рассекая его на глубокие раны полосами. В бессознательном состоянии Сэм сажают на стул, откидывают голову назад и открывают рот, сверху, на лицо набросили грязное полотенце, которым один из бандитов вытер свой пот, и начали вливать в горло воду, чтобы та пришла в себя. Захлебываясь она находила силы мотать головой, избегать потока воды, пытаюсь освободить завязанные сзади спинки стула

руки, которые не слушаются. Вдоволь наигравшись, один из пятерых толкнул стул, и она упала на лицо, сломав челюсть полностью. Лежа на полу, с прилипшим полотенцем и мокрыми волосами она пыталась различить силуэты уходящих мерзавцев, она запомнила их всех, всех, пока снова не отключилась и не проснулась в ящике.

Очнувшись на диване, Саманта не могла ориентироваться, она открыла глаза, вбирая как можно больше воздуха в легкие, лежала, не смев пошевелиться, чтобы не причинить себе боль, лежала, боясь выдохнуть и дышать. Приступ паники охватил ее и, казалось, что давление в грудной полости так велико, что может разорвать изнутри. Она все вбирала воздух маленькими глотками, словно астматик, с хрипами, но воздух не проходил.

Ее услышал Гэршон и немедленно подбежал к ней, задыхающейся в панике, в этой лихорадке страха.

-Все хорошо, это просто сон, дыши,- успокаивал младший брат Ридли, поднимая ее с кровати. Он говорил, смотря ей в глаза, раскрытые до безумия от пережитого ужаса, говорил до тех пор, пока дыхание не нормализовалось и Саманта не пришла в себя,- тише, тише, это просто сон, просто сон,- повторял Гэршон, крепко обнимая Сэм и, поглаживая руками по спине. Так они просидели вместе, пока припадок не утих и, Саманта могла трезво оценивать ситуацию.

-Что с тобой происходит каждую ночь?- с навязчивым беспокойством спросил Гэршон.

-...ничего, просто сны... просто сны,- произнесла Сэм изрядно уставшим голосом, медленно вдыхая порции воздуха.

Все оставшееся время Гэршон не отходил от Саманты, которой удалось уснуть, не смотря на страх пережить жизнь Энди еще раз, но небеса благосклонны: по одному сну на ночь. К утру в сон провалился и Гэршон, уснувший на полу, подстелив плед. Можно было бы выспаться, но Сэм привыкла рано вставать, да и при том, что теперь сон для нее территория не безопасная, она старалась как можно дольше бодрствовать. Поэтому ей необходимо было себя чем-то занять.

Приготовив завтрак, она разбудила заботливого Гэрсона и отнесла еду на верх. Ридли тоже не спал, она оставила поднос и предупредила, что через полчаса все солдаты идут в бой, вооружившись тряпками, швабрами и метлами, однако Ридли проигнорировал это заявление и не притронулся к еде, пока Саманта не закрыла за собой дверь. Но долго он сопротивляться не мог, организм берет свое и он его заставил смести весь завтрак, не оставив ни единого пятнышка на тарелке. Хотя, пожалуй, после тарелку вылезала собака. Этот пес теперь не покидает Ридли.

В это время Гэршон под предводительством Сэм начал уборку с "колодца" в котором был жуткий беспорядок и нехватка света, на которую Саманта плохо реагировала, благодаря вновь открывшимся воспоминаниям ее подопечных, она же занялась кухней, позже к ним присоединился и Ридли, но работал он обособленно, на втором этаже. Трое миротворцев по части

уборки справились с задачей к вечеру, после чего Ридли по обыкновению заперся в комнате, теперь уже блестящей и чистой, в ожидании ужина, который готовил Гэршон, а Саманта волочила последние мешки с мусором к бакам перед домом. Накопившийся смог горькой печали был выветрен, толстый слой скорби смыт, осталось лишь вновь вдохнуть жизнь в этот дом и его обитателей.

23: Что-то

Я просыпаюсь от непонятных звуков, смутно понимая, что происходит, я пытаюсь встать с постели. Моя болезнь одолела меня и, она безжалостно забирает последние силы. Я превратилась в овощ, сморщивающийся и теряющий соки фрукт. Моя кожа теперь больше похожа на изюм и шелушенное волокно бархатной ткани, блеск исчез, да и в глазах его уже давно не было видно, я стремительно увядаю и регресс достиг своего пика, я не могу ходить, с трудом ем и пью, я не могу долго держать глаза открытыми, не могу разговаривать, меня хватает только на короткие фразы, но еще не конец, я еще сражаюсь, пытаюсь есть, не смотря на рвоту, пытаюсь улыбаться, не смотря на невыносимую боль и обширные кровотечения, я пытаюсь облегчить участь отца своим неунывающим настроением, но он знает, что все это вранье, знает, что я притворяюсь ради него, мамы и себя, хотя о матери я давно не слышала, кажется она сутками напролет работает-похвальный энтузиазм, но не для меня. Она нужна мне, но она не может меня видеть.

Иногда я чувствую себя не просто обузой, но и виновной в чем-то, в том, что они с отцом не разговаривают, в том, что я стала причиной их разлада, в том, что я все испортила: их жизни, планы на будущее, их любовь... Я не помню, чтобы они хоть раз, когда-нибудь, устраивали романтические вечера или что-то в этом роде. Их тихая семейная жизнь ограничивалась взаимопониманием, долгом и обязанностями супругов. Я ни разу не слышала их признаний в любви, истории их знакомства. Ни единого проявления страсти, ничего, будто их связывала только я. От этого тяжелее вдвойне. Знать, что твои родители не любят друг друга и что ты тому виной, что ты помеха в их жизни, что из-за тебя они не могут разорвать отношения, что из-за тебя все эти молчаливые вечера, ужины, быстрые завтраки и задержки на работе. Тихая семейная жизнь для них обернулась адом, клеткой, но они и об этом мало разговаривали. Весь их брак - это контракт их родителей и мучение их самих, но они не жаловались. На каждый праздник мой папа дарил маме цветы и подарки, она тоже не отставала. Уважение было превыше всего в их отношениях, но на одном уважении долго не протянешь. Ссор не было, как и долгих разговоров.

Я не видела людей с таким терпением. Они оба отличались этой чертой - терпением и могло показаться, что идеальная пара действительно души не

часть друг в друга, но и это было враньем. Я невольно чувствовала свою вину и ответственность за их отношения, но также думала, что умерев, я освобожу их, наконец, от обязательств брака, единственно эта мысль держала меня на плаву, именно благодаря этой мысли мне было не так обидно уходить, умирать, а ведь так не хотелось.

Находя в себе остатки, отголоски сил, я сползаю с кровати, чтобы увидеть, в чем дело и почему отчетливый голос отца не может произнести внятных слов. Он явно не в себе, раз несет что-то не связное и определенно грустное. Я медленно добралась до двери, открыла ее и заметила отца, метавшегося из стороны в сторону, напуганного, беспокойно потирающего руками голову - так же он себя вел по началу, когда стало известно о моей болезни и о ее неизлечимости в моем случае. Его встревоженный вид, более того глубоко опечаленный и испуганный не мог не испугать и меня. Для отрывистых фраз не хватало сил, а тут надо было крикнуть, чтобы он повернулся, ведь он стоял так далеко, в конце коридора на втором этаже, это так далеко... При определенных обстоятельствах и копейка это деньги, и шаг это целая миля, а крик это невозможная роскошь.

Мне ничего не оставалось, как ждать пока он сам не обратит на меня внимание и когда папа увидел, что я сижу на полу облокотившись на стену, в полу сознании он подбежал ко мне причитая: "что случилось родная?" Я спросила его об этом, а он лишь посмотрел на меня со слезами на глазах, погладил рукой по лицу и сказал с болью и горечью: "ничего, ничего" Но я знала, что он врет, что-то подсказывало мне, что что-то произошло и что это что-то не связано со мной, ну или хотя бы косвенно.

Мне оставалось жить около месяца и, папа не хотел огорчать меня. Мать я не видела достаточно долгое время и вполне могла пережить ее отсутствие, он знал, что можно солгать на ее счет, знал, что можно сказать, что она уехала в командировку или просто по делам рабочим, знал, что я приму это без особых эмоций, ведь я смирилась с ее отчужденностью, но он не учел один факт- я чувствовала, что что-то не так, чувствовала, что она не уехала, чувствовала, что отец потрясен настолько, что просто не может придумать ничего, чем можно было бы объяснить его состояние. Я знала, что с ней что-то случилось.

24: Телефонные звонки

Утро. Сажу в кафе неподалеку от парка. Свежо и прохладно. Солнечно. Жду маму за столиком, она написала, что хочет встретиться и поговорить, написала, что это срочно. Надеюсь, ничего не случилось, по крайней мере, серьезного.

-Привет,- лицо матери выражало недовольство, ее бегающие из стороны в сторону глаза... ненавижу, когда она так делает... заставляет чувствовать меня виноватой в собственных проблемах.

-Привет, что случилось?
-Домой не возвращаешься?
-Ты об этом пришла поговорить?
-... Мне звонили из университета,- теперь, вдобавок к глазам, она начала нервно теревить тонкую коробку спичек, постукивая ее углами о поверхность стола.
-И?
-Что значит "И"? Ты бросила учебу?!
-Успокойся, я не бросила, я лишь прервала обучение на год.
-Но зачем?
-Так нужно.
-Но я не понимаю, я все для тебя делаю, а ты...
-Я благодарна,- прервала я маму,- но это моя жизнь, сейчас, мне необходимо время, чтобы понять как привести дела в порядок, найду работу, потом возобновлю обучение, но я не уверена, что вернусь, возможно, я выберу другой факультет.
-Это беспечно, тратить год своей жизни на бездарное прозябание!
-...,- я посмотрела на нее с пониманием того, что она обидится на мои слова, но иначе просто невозможно разговаривать с тем, кто тебя не понимает,- Ты же сгубила двадцать лет своей жизни на служение этому монстру...

На глазах у мамы выступили слезы, я обидела ее, но мне опротивело поощрять ее слабость, если она не в состоянии изменить свою жизнь, то я не хочу быть на нее похожей, я хочу быть хозяйкой своей жизни. Она молча встала, бросив эту назойливую коробку спичек с изображением парусника в море, и ушла, так и не притронувшись к кофе. Я вышла через несколько минут, в течение которых убеждала себя, что может моя резкость наконец разбудит в ней достоинство, откроет глаза, у меня закончились силы убеждения, теперь спасти себя могла только она сама- спасение утопающих- дело рук самих утопающих, без ее желания, я не в состоянии ей помочь, она должна это понять.

-Почему ты не звонишь?- написала я Ричи. Он обещал держать меня в курсе дел, обещал позвонить когда я буду нужна или когда объявится Чейн. Проходит пол часа, он не отвечает, я не вытерпела и позвонила - глухо. Еще раз и еще раз десять и вот он взял трубку.
-Чего тебе?- спросил он, крича грубым и недовольным голосом. На заднем фоне слышны голоса и протяжные стоны от физической боли.
-Я помешала?- ужасно глупый вопрос в данный момент, сама готова себя ударить за это.
-Нет, ну что ты?- саркастично ответил он, поднося телефон ко рту того, кто стоял сейчас перед Ричи на коленях, весь в собственной крови, с опухшим от ударов лицом и рассеченной бровью,- мы просто разговариваем, ведь правда?- спрашивает он его, заставляя ответить, сжимая шею, на что тот

покорно сказал: "да",- Ричи вернул трубку к уху, оставив того человека на добивание своим парням, и спросил,- так чего тебе?

-Что значит чего? Какие новости?

-Когда я найду тех, кто убил Энди, и заставлю их всех страдать, тогда я тебе позвоню,- он собирался класть трубку, но Сэм успела возразить.

-Ты не найдешь их без меня, ты не докопаешься до сути.

-И что мне помешает?

-Ты не знаешь, как они выглядели, ты не знаешь, что они с ней делали, я видела их всех, я запомнила каждого, без меня тебя могут обмануть и направить на тот след, который им удобен, без меня ты не справишься.

-...это странно выглядит, ты не объясняешь ничего, но знаешь все, как такое возможно?

-Просто верь мне, ты ведь хочешь отомстить за Энди, отомстить за свою любовь?

-Не дерзи мне, с огнем играешь...

-Ну, так как? Я в деле?

-Я позвоню.

25: Такой же сильный...

-Ридли?- спросила я, таким образом, разрешения войти в комнату.

-Проходи, ты ведь все равно не отцепишься... Пришла проверить, не пьян ли я?

-Я пришла, просто посидеть рядом.

-Зачем тебе это все?- спросил Ридли, повернув голову ко мне.

-Я устала от себя и решила сбежать от своих проблем, возможно помогая другим, я пойму как их решить, пойму кто я и что для меня важно.

-Получается?- задав этот вопрос, он пристально смотрел на меня своими темно синими глазами, невероятно добрыми и грустными, готовыми в любой момент пустить слезу, такие они сверкающие, не просыхающие от горя. Красные, любящие глаза, страдающие и уставшие от боли, но не имеющие возможности блеснуть счастьем, потому как всё оно ушло вместе с дочерью.

-Я не знаю, наверное, да, первые шаги сделаны, в начале пути всегда сложно судить об итоге, посмотрим.

-...

-Расскажи мне что-нибудь.

-Я не хочу разговаривать.

-Я понимаю, но ты должен когда-то начать, это неизбежно, тебе необходимо двигаться дальше.

-Дальше? С чем? Как? Как я могу жить дальше, когда у меня отняли все, чем я дорожил? Как мне жить, когда не для кого? Как идти вперед, зная, что у моей девочки никогда не будет будущего, когда её самой не будет со мной рядом? Как жить, когда тебе вырвали сердце? Как унять эту пустоту и этот

ноющий ветер, который гуляет во мне, насвистывая грусть? Как жить без себя? Ответь мне, как я должен жить?

-Просто идти вперед. Это сумасшедшее потрясение, но если так случилось, значит так и должно быть.

-Что? Судьба? Злой рок?- он уже давно стоял на ногах и метался по комнате, выплескивая накопившуюся горечь.

-Знаешь, я верю в то, что жизнь нам дается для того, чтобы научить нас чему-либо. Ведь души вечны и каждая новая жизнь должна дать им новый опыт. Судьба - это сплетение событий, призванных направлять тебя к тому или иному решению, склонять к одному и третьему. Судьба - это лишь выбираемый нами путь, а жизнь - учитель, преподающий уроки. Каждая встреча, поворот, новый или старый человек - это уроки, которые мы должны выучить. Смерть твоей дочери - ужасное событие, но она умерла не случайно, ты обязан вынести из ее смерти урок и двигаться дальше.

-Значит, я виноват в том, что она умерла?- Ридли разозлился, но не кричал, он говорил спокойно, но с раздраженным голосом, пропитанным обидой, ненавистью к себе и жизни.

-Вовсе нет. Я говорю о том, что ты не должен так заикливаться на ее смерти, ты должен ее отпустить. Это всего лишь этап, ступень на великой лестнице жизни. Она ушла, потому что была ангелом, и ей нечему было учиться. Она была доброй и щедрой как ты, умной и благодетельной, ты вложил в нее столько любви и себя, что она стала совершенной, она познала все, что ее душе требовалось и она ушла, ушла дальше, к новой жизни, к новому опыту, но здесь, она выполнила свою миссию и ты должен завершить ее дело. Она не просто покинула тебя, она заставляет тебя взглянуть на свою жизнь под новым углом, ее задача научить тебя чему-то и ты должен понять, для чего она была послана тебе, какой урок тебе следует выучить?

-Это все прозаично и подходит для повести или романа, но если она была ангелом, то почему Господь заставил ее так страдать?- выпалил Ридли, упав на колени. По его щекам покатились горячие слезы, и от всего его тела шел жар ярости и печали.

-А почему было столько воин, разоряющих мир? Почему Господь допускал геноцид, почему он позволил Гитлеру родиться, почему его никто не задушил или его не сбила машина? Почему все так, как есть? Люди виновны во всем, а не судьба. Жизнь допускает все эти ужасы, чтобы научить человечество любви и терпению, для этого она дарит нам таких людей как Иисус, как Ганди. Всегда есть добро и зло, но только люди решают какую сторону выбрать. Все мы живем по законам физики, и плюса не бывает без минуса. Да в мире много ужасных вещей: инквизиция, нацизм, насилие, убийства. Но также много и хороших: паломничества, дружба, любовь, сострадание. Твоя дочь умерла, страдая, потому что так уходят великие и чистые люди - это негласный закон нашей чертовой жизни. Это испытание, через которое Виктория прошла - лишь очередная проверка на прочность. И мы умираем тогда, когда нечто возвышенное, там, на небесах или во вселенной, сочтет нас достойными, исправно следующими урокам. Она

умерла, страдая, потому что это ее проходной билет в рай или новую жизнь, я не знаю. Но я знаю, что пройдя все свои испытания, она осталась такой же, какой и пришла в этот мир, она выстрадала свой шанс на дальнейшие приключения. Она заслужила знать, что ее отец остался сильным, каким был для нее все это время. Она заслужила наблюдать сверху за тем, как ты проходишь через свои испытания. Она заслужила видеть тебя несломленным, жизнерадостным и готовым идти по жизни, не замыкаясь в себе, а гордо вспоминая ее имя, вспоминая то, какой она была. Твой долг показать ей- что ее отец такой же сильный как она, такой же сильный.

-Тебе легко давать уроки философии, но ты и понятия не имеешь, о чем говоришь... ты просто не понимаешь как это тяжело.

-Да? Ты думаешь, ты один такой страдающий?- вспыхив, кричала Сэм,- достаточно уже изображать страдальца, твой театр пуст, зрителей давно нет, так что заканчивай себя жалеть, и наберись мужества вынести это горе, не срами память о Виктории, она, как видно было сильнее тебя...

Эти слова глубоко задели Ридли, а нетерпеливая Саманта лишь хлопнула дверью, по обыкновению договаривая последнее, спускаясь по лестнице, она ворчала,- как же мне надоело нянчиться со всеми!

26: Только начало...

Прошла уже неделя с момента прошлого разговора с Ридли. После него он не захотел никого видеть, все сидит в своей комнате, не подпуская ни Сэм, ни брата, ни даже собаку. Хотя, наверное, брата в первую очередь. Оставив их в надежде, что один пойдет на встречу другому, Саманта вплотную занялась розыском Чейна.

Она и Ричи вместе расследовали убийство Энди. Благодаря снам, связывающим всех троих, Саманта могла опознать всех и каждого из убийц, она питала ненависть, такую же яростную как и Энди, потому что испытала на себе весь ужас издевательств и пыток. Саманте не было жаль тех, кого убивал Ричи прямо у нее на глазах, она не проявляла мягкосердечия и прощения, она молча наблюдала за тем, как Ричи потихоньку со мстительной жестокостью отрезает палец за пальцем, как он рассекает плоть своим ножом, как он выбивает зубы и ломает своими ударами кости тех, кто был причастен к убийству Энди.

Все постепенно расплачивались за то зверство, за то, что убили любовь всей его жизни. За то, что мучили ту единственную, которая больше не улыбнется ему, к которой ему больше не прижаться, которую не обнять. Ту, которая была ему дороже жизни, его и всех вокруг.

Но приближаясь к разгадке ее убийства, они не находили ни единой ниточки, ведущей к Чейну, ни единого намека, только расплывчатые предположения, предсмертные мольбы и просьбы о пощаде наполнили дни

Саманты за эту неделю. Убирая одного причастного, за другим, они все ближе подбирались к тем, кто заказал убийство, и к тем, кто его исполнил. Они знали, что за ними идут, им негде спрятаться и некуда бежать. Они как крысы в капкане, бьются в конвульсиях предстоящей смерти.

Страх повис над кварталами Адской кухни и просачивался все дальше и дальше до вражеской половины Мидтауна - Восточного предела, где в королях ходил Стьюго- бешеный пес, не имеющий цепи. Он гораздо старше Ричи и в отличие от него не брезгует проституцией, что для хозяина Адской кухни неприемлемо, рэкет- да- вымогательство с целью контроля и обеспечения безопасности в районе, без этого никуда, наркоторговля - прибыльный бизнес, бои без правил и торговля оружием- все это не делает его белым и пушистым, он тот, кто он есть, но даже у такого человека есть честь и честность, человечность, хотя, наблюдая за тем, как он кромсает людей как мясо, рубит их тела топором, можно усомниться в его человечности. Но он никогда не принудит женщину торговать собой, потому как слишком уважал свою мать, которую переселил в благоустроенный и безопасный район домохозяек в другом городе, подальше от этого смрада.

Ричи противоречивая личность и Сэм не могла дать ему однозначную оценку, но она знала одно- он любил Энди и Энди разбила свои опасения на его счет, она теперь твердо была уверена в том, что Ричи ее любил, это так важно, знать, что она была любима, потому как при жизни страх и нерешительность отталкивали ее от принятия слов Ричи всерьез.

За нее он встал на тропу войны и мести, но это только начало...

27: Два полюса

Возвращаясь рано утром в дом Ридли, я наткнулась на это чудовищное моего отца. Он выследил меня каким-то образом, нашел и захотел вернуть "непутевую" дочь обратно в свой чертог насилия. Он сидел в машине перед домом, ждал пока я не приду обратно, значит, он не был в Мидтауне, но как тогда он меня нашел?

-Вот ты где, дрянь!- выскочил из своего нового автомобиля и побежал за мной.

Я пыталась газануть, добежать до двери, но не успела, он схватил меня за руку и начал бить. Он дал мне пощечину, но не дал упасть, сжимая своей лапой мою руку под локоть, потом еще одну, все причитая, какая я гадина, неблагодарная проститутка, шлюха. Он дал мне под дых и я упала на крыльцо. Мои возражения и его крики разбудили двух братьев, которые незамедлительно выбежали из дома. Увидев, что меня ногами пинает мужчина, Гэршон полез в драку и вмазал ему так, что тот покатился со ступеней вниз, он разбил ему челюсть. Старший же, принялся меня осматривать. Я лежала на дощатом полу на улице, внутри все съеживалось,

Ридли пытался меня поднять, а я не могла встать, ногу свело судорогой, из носа струилась кровь.

-Ах, вон оно как, сразу с двумя? Платят то хоть прилично? Или тебе самой приятно?- вытирая кровь с подбородка рукавом голубой рубашки,- Шлюха!- поднимающийся на ноги отец Саманты.

-Закрой свой рот!- не выдержавший Гэршон.

Униженный и оскорбленный Бен встал, отходя от наступления Гэрсона и с проклинаниями, что он до меня еще доберется и, что моей матери будет не сладко, добрал до машины, сел в нее и уехал.

Гэршон наклонился, взял меня на руки и понес в дом, Ридли тем временем искал согревающую мазь, чтобы снять судорогу. Несколько минут оперативной работы братьев, и я лежу на диване с намазанной мазью ногой, под одеялом, с горячим чаем на журнальном столике и двумя лицами взрослых мужчин, на которых повис вопрос.

Ридли и Гэршон, забыв на мгновение про обиды, сидели рядом, напротив меня и ждали ответа с равным любопытством и беспокойством.

-И что вы хотите знать?- поинтересовалась я, убрав на мгновение от носа платок, останавливающий кровотечение.

-Все,- единодушный ответ как ничто другое характеризует родственные узы крови этих похожих и совершенно разных мужчин.

-И вы не отвяжитесь?

-Нет.

-Это мой отец, он терроризирует меня и маму с самого моего рождения. Наверное, потому что он хотел мальчика, а родилась я. Из-за этого он обозлился на мать, естественно на меня и, начал распускать руки. Мне надоело убеждать маму его бросить и перенимать удар на себя, хочет мучиться, пусть страдает, а с меня довольно и я ушла из дома. Сегодня он меня нашел.

-Нужно ехать в полицию, заявить и снять побои.

-Вы думаете, я не пыталась? Я подавала заявления чаще, чем они успевали бумагу покупать, только мама их опровергала, а я потом вынуждена была общаться с психотерапевтом по поводу моих необоснованных речевых высказываний и больной фантазии. Так что мои руки связаны до тех пор, пока она сама не захочет с ним расстаться.

-И чему это научило тебя?- спросил Ридли, намекая на наш с ним философский разговор недельной давности.

-...,переведя прищуренный взгляд на хозяина дома,- это сделало меня той, кто я есть. Я ненавижу его, он мне противен, я испытываю омерзение и презрение, но кто знает, кем бы я была, не истязай он меня столько лет, это закалило характер, сделало меня сильнее. И ты тоже должен стать еще сильнее, сильнее, чем был раньше, ради нее и себя.

Ридли смотрел на Саманту, понимая, что он действительно должен продолжать держаться ради Виктории, смотрел, принимая ее слова.

-И ты не одинок, у тебя есть брат,- продолжила Сэм,- вы обязаны поговорить друг с другом, не смотря на все, что между вами произошло, не смотря ни на

что, вы есть друг у друга. Вы просто забыли об этом, так вспомните и помиритесь, а то выглядит не серьезно, два здоровых мужчины дуются друг на друга.

-Ты не знаешь, о чем говоришь,- вмешался Гэршон,- не знаешь,- после этого он встал и ушел на кухню.

-Ну конечно, я просто сама тупость ничего не соображающая в этой жизни, зато вы - "удрученные опытом вояки" не можете и слова сказать...

Ридли выдал мне чистый носовой платок и тоже покинул мое глупое, юное и ни на что не годное общество.

Он оттаял, а Гэршон отдалился, они как два одинаковых полюса магнита, отталкиваются при встрече. Приблизив одного, я потеряла другого и, теперь Гэршон замкнулся в кругу обиды, не желая о ней говорить.

28: Я вся в этой крови, я вся в этом ужасе

Я сплю. Снова сон. Снова чужие воспоминания...

Снова боль. Я лежу на кровати и не могу встать, мое тело меня не слушается, руки и ноги мягкие как вата, не чувствую их. Сухая кожа сыпется чешуйками, я превращаюсь в рептилию, окаменеваю и застываю во времени. На носилках игольчатой боли, и пульсирующих волн в голове, я проношусь мимо плачущих лиц, мимо статуй в черных одеждах. Сквозь пространство следую к свету, но проливной дождь разбудил мое сознание, сдавливающая боль в груди рвет картинку на части, свет исчезает, блекнет, меня тянет назад, тянет обратно в жизнь, тянет в этот кошмар. Меня уносит вспять мимо лиц моих родных, но среди них нет маминого. Мое время медленно истекает, нить истончается с каждым днем и Атропа⁵ ждет момента, когда сможет, наконец, перерезать ее.

Еще один день спасен для меня, я очнулась, возле меня врач, рядом отец. Но болезнь не позволяет долго находиться в сознании и меня уносит в тот же сон, в тот ужас ночной, в тот мрак, где я не могу найти отца, скопище переживаний еще тогда рождали в моем мозгу страшные пророчества. Я мечусь по дому со слабостью, преодолевая тягу, во сне мне еще тяжелее ходить, переставлять ноги, шаг за шагом, каждый из которых отдается концентрированным сгустком боли, покрывающим все мое тело. Шагая в ночи в бурю по темным и длинным коридорам, качающимся в стороны, по шероховатому как моя кожа полу, рядом с холодными и остывшими как я занавесками, которые стали черными, их раздувает ветер, раскрывающий и захлопывающий двери комнат. Я иду в шуме собственных мыслей и наконец нахожу маму. Она стоит передо мной вся в белом, счастливая и улыбающаяся, она гладит меня по щеке своей нежной ладонью, говорит, что

⁵ Три богини, дочери Ночи, управляющие судьбой человека. Первая, Клото, прядет нить жизни; вторая, Лахесис, определяет судьбу жизни; третья, Атропа, т. е. неизбежная, отрезает нить жизни.

любит меня. Я невольно закрываю глаза от искренней маминой ласки, пытаюсь прикоснуться к ней, приложить свою ладонь к её, облегающей мое лицо, но ощущаю лишь холод. Открыв глаза, я не нахожу ее перед собой, комната плывет и из спальни превращается в ванную. Я стою босиком на ледяном кафеле, на котором проявляются красные капли, разливающиеся все больше и шире. Густая красная кровь растворяется в воде, эта кровь течет из маминых вен... Она лежит в ванне, истекающая кровью. Лежит неподвижно, а кровь все течет вместе с водой, через край и становится волной, окатившей меня багровой краской. Я тону в красной реке с быстрым течением и нет ничего, за что можно было бы ухватиться. Нет спасения. Волна за волной не дают мне ровно дышать. Я вся в этой крови, я вся в этом ужасе.

Глубоко вбирая воздух в легкие, Саманта проснулась, сама еле переводя дыхание на нормальный ритм. Была ночь, вернее только полночь, и перспектива еще одного сна отнюдь ее не радовала.

-Это была твоя мама?

-... Да... это она. Она покончила с собой за месяц до моей смерти. Вот почему отец был так встревожен тогда. В этом была причина. Она убила себя,- как можно отстраненней говорила Виктория.

-Мне очень жаль,- произнесла Сэм.

-Она плачет и мерцает, сейчас вообще испарится, ну вот, отключилась,- Энди.

-Еще бы, такое потрясение. Я не представляю, как вы выжили в этом аду.

-Ты ровняешь наши жизни, наши смерти?

-Энди, каждый несчастен по своему, это еще Толстой сказал, но где должна проходить граница? Есть ли "бедемер"? Не думай, что на твою долю выпало больше страданий. Над тобой издевались и забили тебя до смерти, а она умирала медленно и больно, да еще и мать свела счеты с жизнью? Как тебе такое? Я не могу понять, в моей голове это просто не помещается, как вообще возможно пережить такое, жить так? А ты ведешь себя как самая последняя эгоистка. Я не хочу с тобой разговаривать. Только не сейчас.

29: Ты нас не бросишь

-Сэм... прости меня... я просто...

-Я знаю.

-Грубость это моя защита...

-Я понимаю...

-О Чейне ничего не слышно?- спросила Виктория, оправившаяся от эмоциональной встряски.

Удивление так и сияло на лице Энди, ведь раньше никто не думал о ее бедах, а сегодня, перед ней стоит девушка пятнадцати лет, белокурая и хрупкая, которой, как ей казалось, не ведомы были "уличные страхи".

Которая, по ее мнению, не способна всерьез оценить ее положение, которой было бы все равно, но Виктория никогда не задирала нос ни перед кем, она как принцесса из сказок- умная, красивая и приветливая. Для Энди раньше эта характеристика вбирала бы в себя еще и надменность, слащавость и безразличие к мирским проблемам, но теперь она увидела поистине ангела, не сломленного болезнью, с великой душой, не эгоистичную и безмерно отзывчивую девушку, превосходящую ее саму в миллионы раз. Теперь она поняла, как сильно заблуждалась, теперь ей было стыдно, теперь она завидовала ее чистоте, теперь она думала, что на самом деле сама она слабее Виктории, слабее и уязвимее.

-Пока нет, по крайней мере, в Адской кухне точно, Ричи думает, что он в Восточном пределе, он почти уверен, что Чейн хочет отомстить за тебя Энди и работает на улице. По крайней мере, Ричи бы сделал также, если бы был ребенком.

-Этого я и опасалась...

-Мы найдем его, находим же мы тех, кто убил тебя.

-Да, но...

-Я тоже думала, что не выдержу летящих кусков плоти, ошметков мышц на стенах, но мне "нормально"...- лицо Сэм немного позеленело, ей становится дурно от того, свидетельницей чего она стала. Ей плохо, но она сглатывает подступающие признаки тошноты,- Вчера мы поймали одного из теперь уже бывших людей Ричи, того, кто слил тебя людям Стьюго. Он описался от страха, когда увидел стоящего за дверью Ричи. Он умирал долго... мучительно и долго,- Сэм говорила это, пряча слезы страха, с напряжением в губах, скрывающим отвращение.

-... Я вовсе не хотела, чтобы Ричи вырезал полгорода, он может, и его гнев не утолить, с каждым днем он только нарастает, его необходимо охладить, не позволяй ему утонуть в крови, он не должен тратить себя на месть, это изматывает его и изменит навсегда.

-С твоим парнем довольно сложно общаться, он делает то, что считает нужным, пока я с ним согласна...- это утверждение далось Саманте не легко, но ее тоже переполнял гнев, потому как она испытала все "прелести" последних дней Энди.

-Мне не нужны реки крови и горы трупов. Я убила бы всех, кто истязал меня последнюю неделю моей жизни, но он не должен, я лишь хочу найти брата. Большого мне не нужно.

-Мы найдем. Я стараюсь, как могу, поверь, я делаю все, что от меня зависит, все.

-Я знаю, знаю... я просто нервничаю, у меня мало времени.

-Я думаю, что нам не стоит переживать, времени хватит, ведь мы не случайно оказались в твоей голове Саманта, и я думаю, что даже если мы исчезнем вовсе и ты нас больше не услышишь, ты все равно сдержишь обещание, закончишь наши дела, ты нас не бросишь, даже если времени не останется совсем.

-Я постараюсь Виктория.

30: Об этом не разговаривают, об этом пишут книги

Проходят дни, кровавые будни и одинокие вечера. Ридли не выходит из комнаты, успешно начавшаяся операция по спасению его убогой жизни провалилась, второй братец вовсе не обращал на Саманту внимания, по крайней мере, ей так казалось. Она опустошена своими мыслями, своими действиями.

Никогда еще ей не было так одиноко как сейчас, в эту лунную ночь, она сидела на крыльце перед домом, сидела на деревянной ступеньке, облокотив руки на колени, голова ее была брошена на ладони, поддерживающие ее от безысходности. Сэм сидела в дымке серого света, даже такая обстановка, успешно воспетая поэтами, навивала на нее грусть.

Она видела лишь угрюмые и слабые проблески лунных бликов падающих на окружающие ее предметы с небрежностью, эта казалось бы, романтическая атмосфера свежей ночи с прохладой и маленьким садом обвивающим дорожку к дому с двух сторон должна рождать фантазии и смелые решения, но Саманта видит лишь смог тумана, холодность скорой росы перед рассветом, мрак собственных заблуждений и чувствует лишь грязный воздух выхлопных газов только что проехавшего авто. Она сидела безрадостно уткнувшись взглядом в одну точку перед собой, сидела как брошенное дитя всего человечества, убитое фактом своего существования.

Абсурдность мыслей человека возносит психологию на новый уровень. Если бы Фрейд умел читать мысли, то возможно пожалел бы Саманту и по сочувствовал ей, потому как оглашая свои переживания вслух они теряют твердость своей серьезности, их становится все меньше и тем труднее их выразить, они будто тают как лед на солнце, ты пытаешься излить душу, которую мучают противоречия и страх, разочарования и боль, пытаешься их озвучить, но получается лишь смазанная нелепица из предубеждений, самовнушения и мнительности. Переживания звучат лучше и логичнее только в твоей голове, и не, потому что они не серьезны, не потому что другим людям наплевать, а потому что только ты знаешь как тебе плохо, только ты сам добавляешь красок на эту монохромную палитру твоих душевных разломов, потому что нет того, кто знает тебя лучше чем ты сам.

Саманта глядит на зеленый лист дерева, растущего напротив через дорогу, у дома с таким же крыльцом, глядит, неподвижно, словно застыв в облаке раздражающих ее голову мыслей. Она выпотрошена историями жизней Виктории и Энди, убийствами и гневом - это больше нее, это слишком много для одного человека.

В Сэм не осталось веры в себя и, сил для того чтобы тянуть глубоко вросшие корнями в семейные драмы и обиды стебли, под известными именами, к свету. Она сидит, изнуренная реальностью снов, реальностью жизней тех, с кем никогда бы не пересеклась, она измученна неудачами, истощена унижением и насилием, она сидит и упивается ничтожностью своей действительности...

Ее прошлое и настоящее сливается с прошлым двух девушек, настоящим двух мужчин и будущим двенадцатилетнего мальчика, скитающегося по опасным кварталам Мидтауна.

Сэм убита беспомощностью и одиночеством. Она думает сейчас и о том, как бил ее отец, о том, чем она заслужила такое обращение, чем перед ним провинилась. О том, что она никого еще не любила и к ней не было никакого интереса среди участников ее тогдашней жизни, она полностью отстранилась от ее течения, начала забывать несносность диалогов сверстников, их мелочность и обыденность, стала думать, что это вовсе не ее жизнь, что это происходило с кем-то другим, почти полностью отрицая важность своего бытия; о том, что "приключения", казавшиеся ей по началу спасением от ее дремоты- состояния ее жизни до знакомства с Вики и Энди, куда более опустошающие чем ход ее тогдашних дел, куда глубже и печальней; о том, что ей самой не хватает мужества и стойкости, чтобы вынести груз жизней, за которые она ответственна; о том, что нет рядом никого кто понял бы ее без слов, чтобы можно было быть слабой и женственной...

-Тебе не холодно?- спросил Гэршон, набрасывая на плечи Саманты плед.

-Я не слышала, как ты пришел... странно, ведь доски скрипят. И мы что, снова разговариваем?- Сэм.

-Да ладно тебе, не будь такой колючкой... О чем думаешь?- спросил Гэршон, присев на ступеньку рядом с Самантой.

-О том, что без бороды ты выглядишь моложе, не то чтобы тебе не шло, напротив, даже очень, ты просто вылитый Кристиан Бэйл, только борода у тебя гуще, а в остальном, ты просто картинка из журнала,- саркастично ответила собеседница.

-А если серьезно?- улыбнувшись, переспросил Гэршон.

-... О том, что с возрастом мы приобретаем опыт, говорим, что повидали больше, но на самом деле мы лишь теряем веру в себя, теряем ту часть себя, которая рвалась навстречу своим мечтам. С возрастом мы теряем дерзость, бесстрашие, запал, мы утратили свою индивидуальность, попрощавшись с детством и юношеством... И в итоге в нас не остается ничего кроме страха, разочарований и сожалений, даже сил не остается.

-... - она говорила, а он нежно обволакивал взглядом ее лицо, волосы, глаза... Он видел в них грусть и силу. В отличие от нее, Гэршон совершенно иначе воспринимал эту ночь. Он всегда был таким, позитивным, добрым, не заикливавшимся на трагедиях, он всегда смотрел вперед, обращался к свету, но вместе с этим, сбегал от проблем, предоставляя им свободное течение,-... Хм... Возможно, но не у всех так.

-Да, не у всех. Не у Да Винчи и Тесла, Эйнштейна и Бетховена - не у них и многих других взрослых детей

-Ха,- улыбнулся Гэршон,- почему детей?

-Потому что только дети способны чувствовать по максимуму, выкладываться на все сто, им не ведом страх, они любознательны и энергичны, мечтательны, верят в себя, и они не представляют, что жизнь

может их сломать, они верующие в свою мечту и их детскую непосредственность не убить ни чем кроме возраста. Мы растратили запас этого волшебства без надежды вернуться в те времена, когда мы были искренне уверенными в себе.

-... Ладно, мы, я, Ридли и сотни тысяч людей, но ты? Ты еще молода, еще не все потеряно.

- Я состарилась достаточно, чтобы убить в себе все бесповоротно и окончательно...

-Я боюсь спросить, что еще закралось в твоей голове?

-Вот видишь, стоит откровенно выразить свои мысли, как они уже становятся объектом насмешек и обвинением в депрессивности.

-Вовсе нет, я не это имел ввиду...

-Да, да, да. Вот поэтому люди и замыкаются в себе, сходят с ума, мирно и тихо съедая себя собственными мыслями и все потому, что их параноидальный "бред" никому не хочется слушать!

- Я бы выслушал...

-Ты думаешь, я поверю, что тебе это интересно?

-А почему бы и нет?

-Потому что об этом не разговаривают, об этом пишут книги.

31: Барре'ту

-Готова опознать одного?

-Да,- ответила я, поспевая за быстрым шагом Ричи.

Несколько человек, среди которых были Ричи и Сэм, направлялись к местному клубу на 105 улице, в квартале между Роузхилл и Моунт в гнилой части Мидтауна, в этом Восточном пределе. Если Адская кухня внушала страх и ненадежность, то здесь все еще хуже, словом выбирая между районами, риэлтор бы вам посоветовал кухню.

Они все шли за Ричи, который был решительно настроен найти очередного претендента на смерть. В шумном и темном помещении, где грохочет музыка и вместо воздуха дым от сигарет и марихуаны, где официантки ходят только в трусах, щеголяя голой грудью, трущихся своим телом о посетителей этого притона, люди Ричи проверяли наводку на Барре'ту, второго из списка, ожидающих своего часа. "Верные ищейки" хозяина Адской кухни указали на сидящего среди голых проституток высокого и немного обрюзглого мужчину в ковбойской шляпе, он смеялся, обнимая голых женщин, засовывая свой язык им в рот, каждой по очереди, а они играли с ним, будто им нравилось такое скотское отношение, но что поделать? Это работа.

Подходя ближе к черному кожаному дивану, где ковбой всюду наслаждался женскими телами, Ричи дышал все чаще, он словно оборотень, набирающий злость и силу перед нападением. Тот, что в шляпе увидел

фигуры, выходящие из клубов дыма, увидел Ричи, направляющегося прямо к нему и побежал к выходу. Люди Ричи и он сам впереди всех ринулся за ним и не успел тот глотнуть свежего воздуха, как он уже лежал мордой вниз, оскверняя своим гнусным лицом асфальт.

Через мгновение он лежал в фургоне, а через минут двадцать с него уже сняли черный мешок и он оказался привязанным к стулу, голый, в подвале, где единственными хозяевами были крысы.

-Это один из них?- спросил Саманту Ричи, не отрывая яростного взгляда от пленника.

-Да...- ошеломленные глаза Сэм вспомнили его, того самого, кто бил ее ногами в сапогах с металлическим наконечником, она вспомнила картинку ясную и точную как белый день, это он- рассекавший кожу и мышцы Энди.

-Richie, não é necessário, não quis, a pequena menina diz está.⁶

-Fale, quem o cliente?⁷- спросил Ричи, ударив португальца тыльной стороной ладони по лицу.

-Não sei nada!⁸- чуть ли не рыдающий ковбой.

Люди хозяина Адской кухни продолжали бить португальца, пытать у него имя заказчика, хотя все догадывались, что это Стьюго, в то время как Ричи прятал в себе горе. Его губы нервно дергались, брови сведены, все лицо напряжено.

-Não sei! Bedo foi a coisa principal, deu ordens, sabe, disse que tudo se filmou.⁹

-Em um filme? Retirou como sofre? Quem retirou?¹⁰- разъяренный Ричи припал вплотную к Барре'ту.

-Zez, filmou!¹¹- тихо и испуганно ответил португалец.

- Onde um filme e como encontrar Bedo?¹²

После тщательной отработки бойцовских навыков португалец стал сговорчивей и рассказал о Бедо' все, что можно пожелать, даже распорядок дня выложил и полу сломанная челюсть ничуть ему не мешала.

После того как Ричи выведал все необходимое он и его люди оставили Барре'ту в подвале на съедение крысам. Они хорошо реагируют на кровь, прямо как акулы, они становятся безумными от ее запаха и выгрызают все подчистую, а крови там было достаточно. Можно смело предположить, что окровавленного Барре'ту, обездвиженного и без одежды, они съели за час или чуть более. Это страшная смерть, ведь крысы начинают с самого вкусного: глаз, губ, языка, гениталий, они сгрызают деликатесы, а человек находится в сознании без вариантов что-либо сделать. Он поплатился за то

⁶ Richie, não é necessário, não quis, a pequena menina diz está (португальский)- Ричи, не надо, я не хотел, девочка врет.

⁷ Fale, quem o cliente? (португальский)- Говори, кто заказчик?

⁸ Não sei nada! (португальский)- Я ничего не знаю!

⁹ Não sei! Bedo foi a coisa principal, deu ordens, sabe, disse que tudo se filmou (португальский)- Я не знаю! Главным был Бедо, он отдавал приказы, он знает, он сказал, чтобы все снималось на пленку.

¹⁰ Em um filme? Retirou como sofre? quem retirou? (португальский)- Вы снимали? Снимали как она страдает? Кто снимал?

¹¹ Zez, filmou (португальский)- Зе'зе снимал.

¹² Onde um filme e como encontrar Bedo? (португальский) Где пленка и как найти Бедо'?

что сделал, да, но ужас от реальности потряс Саманту больше, чем она думала, долго продолжать в таком духе не может никто, и ее неминуемо настигает удушье от этой грязи и жестокости, полное осознание происходящего - это лишь вопрос времени, а пока, Саманта вместе с Ричи отправились за Зе'зе- оператору пыток.

Они нашли его быстро, тот сидел у себя дома, ничего не подозревающий, он покуривал травку и смотрел телевизор в своей маленькой квартирке, захламленной коробками, видеокассетами, по всюду тряпки, перевязывающие пакеты с дурью - топорные и дешевые наркотики, разбавленные эфиром, от которых дохнешь на раз.

Ричи ворвался в его уют, тот и опомниться не успел, а его уже сжимали крепкие руки Ричи, поднявшие этого тощего и трусливого Зе'зе перед собой. Возлюбленный Энди трепал его, как мог, ломал ему кости, но тот быстро сдался, хватило пары переломов, даже Барре'ту выдержал больше, много больше. Зе'зе говорил на английском, в отличие от предыдущих двух, знающих только свой родной португальский, и сразу отдал кассету, после чего Ричи его застрелил, две пули в грудь, одна в голову- классическая казнь.

32: Я поняла

-Ричи достал кассету...- Сэм.

-Что? Он ее смотрел?- Энди.

-Да... Вчера.

-Я не хотела, чтобы он видел это, это все...

-Он досмотрел до конца, потом разбил телевизор. Он крушил все подряд, бил и ломал, потом рухнул на пол и безмолвно глотал слезы, не издав ни единого звука.

Саманта наблюдала за Ричи, за тем, как гнев кипел у него внутри, его огненные языки расплывались по телу Ричи как яд, отравляющий организм, он тек по венам, которые, чернея, вспухали от ярости, кулаки сжимали боль, а по щекам текла эта соленая жидкость людской слабости и человеческого страдания... Ричи не пустил слезу даже на похоронах собственного отца, ему казалось, он лишен жалости к себе, но не сегодня, когда он понял, что потерял свою любовь, когда увидел, как мучили его Эванджелин, когда он умер сам... Он тосковал, обезумев от правды. Он просидел так до утра, пока за ним не пришли Вагнер и Гайдн - правая и левая рука, братья с улицы. Не доверяя никому, он знал, что на них он может положиться во всем. Они верные советники короля Адской кухни. Верные до безумства.

Он тихо страдал, пока мог, пока у него было его личное время, пока ему можно было быть собой.

-Да, репутация это все. И только наедине со мной он был собой, позволял себе ослабить хватку, был нежным и любящим, вспыльчивым и резким, да, но настоящим, без наигранной жесткости. Со мной он был ласковым. Он был собственником, но это так приятно принадлежать всецело мужчине, который любит тебя и уважает, защищает и ценит, это так приятно быть его женщиной... И я так зла на себя.

-Почему?- спросила Виктория, с выступавшими слезками на глазах и покрасневшими щеками, ведь ей не дано было испытать эту бурю чувств, она просто не успела и поэтому ей грустно.

-Потому что я боялась его, его натуры. Я лишь сейчас поняла, какой он на самом деле, поняла, как он меня любил и как я его любила. Со стороны всегда видно лучше, а при жизни я сдерживалась, мною руководил страх. А сейчас, если бы я была жива, то поступала бы иначе и наша любовь не была бы односторонней.

Он обнимал меня со всей любовью, а я лишь смиренно подчинялась. Я поняла, какой же я была холодной, бесчувственной. Он не ощущал моего трепета, который появился сейчас, он никогда не узнает, каково это быть любимым взаимно, потому что я не показывала этого. Я бездарно профукала свою единственную любовь, сделав своего мужчину несчастным. А теперь, он еще и запомнит меня с переломанными конечностями, слабой, в крови, ползающую по полу с выбитыми зубами, беспомощную и некрасивую.

-Я...,- Сэм хотела продолжать...

-Оставь,- перебила ее Вики, - она ушла...

-Я даже представить себе не могла, в какой водоворот я окунусь. Все это сумасшествие -это правда, ваши истории переплетаются в моей голове, ваши жизни так реальны и так далеки от всего, что я когда либо знала. Я боюсь вас подвести.

-Ты не подведешь, ты уже справляешься. Это тяжело, не спорю, ведь мы все трое в одной лодке, чувствуем боль друг друга. Не заикливайся на том, что ты должна нам что-то. Ты ничем нам не обязана. Просто продолжай бороться и кто знает, может и наш опыт поможет тебе разрешить собственные проблемы.

-Чем больше тебя узнаю, тем больше ты мне напоминаешь святую.

-Аве, дорогая!- засмеялась Виктория, побуждая улыбнуться и Саманту.

33: Кофе? На ночь?

-У тебя день с ночью спутался, постоянно куда-то сбегаешь, то вот ты спишь на диване, то он пустует сутками.

-У меня много забот,- сказала Саманта Гэршону, кокетливо улыбаясь, сидя на диване.

Она сидела в широкой майке на одно плечо, а одеяло прикрывало только наполовину. Ее правая ножка слегка согнута. Она даже не заметила, как Гэршон хищно смотрел, на нее, на то, как выделяются мышцы при напряжении, она не заметила, как он проводил медленным взглядом каждый изгиб ее тела; от ступни и тонкой щиколотки все выше до ягодниц, облекая взором золотистую и гладкую кожу, будь он призраком, она бы ощутила холодок, стелящийся в унисон ее формам, она бы почувствовала легкое дуновение прохлады, пускающееся от колена и выше, как она неуловимо прикасается к ее наготы, сладкой окружности, скрываемой трусиками.

Гэршон любовался Самантой, он хотел быть той майкой, прилегающей к ее коже, той тканью, повторяющей ее округлости, прикасающейся к нежной части женского тела, бережно окутывая своей мягкостью, скрывая грудь, разжигая интерес, спадая с плеча, призывая к ласке.

Он стоял пораженный собственными мыслями, не в состоянии сдвинуться с места, он наблюдал, как тонкая цепь серебра спускается с шеи на ключицу, как она струится по слегка загорелой коже вниз и угасает в богатстве перси¹³, скрытой тканью.

Вытянутые жилы ее шеи походили на струны музыкального инструмента. Он бы нежно поглаживал ее, как музыкант бережно проводит смычком по скрипке, извлекая сладостный стон наслаждения, играя на струнах первозданного в своей чистоте инструмента.

Он представлял ее, в своей власти. Как он гладит ее, проводя кончиками пальцев по телу, ощущая бархат ее кожи, ее приятную взволнованность от его прикосновений. Он бы осязал ее эмоции через мышцы живота, он бы чувствовал, как они сокращаются и тянутся, в унисон ее трепету. Он бы держал ее обеими руками, не препятствуя ее свободе, он бы осторожно и нежно сопровождал ее вдох и выдох кроткими движениями ладоней по бархатистой спине. Он представлял, как поднимается и опускается ее подтянутый животик, в то время как она дышит, в то время, когда он дотрагивается до нее, как по ее телу проносится теплая дрожь наслаждения. Он представлял, как прикасается к ее лицу, как гладит большим пальцем руки подбородок, приглаживая щеку, как переводит его на губы, всматриваясь в ее глубокие карие глаза, в которых он видел бы любовь. Он смотрел бы на нее со страстным обожанием, она была бы только его, его единственным и неповторимым сокровищем. Он рассматривал бы ее чувственные и пухлые губы, целовал бы ее, нежно и не спеша, наслаждаясь их сладостью. Он представлял себе, как снимал бы с нее одежду, которой и так на ней почти нет, как стягивал бы трусики, как проводил бы пальцами рук под майкой, сначала по талии, потом по ребрам, затем по линии груди, он бы поддел майку и потихоньку сбросил бы ее с Саманты.

Гэршон представлял, как бешено, стучит его сердце от близости с ней, от жара ее тела; как он сжимает ее запястья, вкушая нектар ее губ. Лунный свет освещал бы ее волосы шоколадного цвета, озарял бы ее кожу золотом,

¹³ Перси - женская грудь.

сверкающим в ночи. Она была бы в плену его объятий, в жаркой бездне его ненасытных и горячих поцелуев. Он бы растворился в ее блаженстве, в ней. Он бы утонул в бушующей трепетности ее тела. Он ласкал бы ее, придвигая ее манящие бедра ближе, они слились бы воедино.

Он представлял, как он обладал бы ею и какой негой он был бы охвачен...

-Ты чего?- с простой наивностью прервала фантазии Гэршона Сэм.

... Ничего...э...тебе сделать кофе,- спросил он.

-Кофе? На ночь?- все улыбающаяся Саманта.

-Эм, да, точно, ночь,- ответил Гэршон, пытаясь спрятать свои глаза, отвести их от Саманты. Он потоптался на месте с бегущим взглядом, как бы ругавшим себя, пожелал,- спокойной ночи,- и метнулся прочь от нее, от своих мыслей.

-А ты ему нравишься,- заметила любопытная Виктория.

-Да кому я нужна... сплошной комок проблем с нездоровой психикой и двумя сожителями в голове...- обреченно проронила Саманта, анализируя всю свою жизнь и то, как мало в ней было любви и тем более нежности.

-Я тоже так думала Сэм,- пришедшая в себя Энди,- я тоже думала, что меня невозможно полюбить, не та атмосфера, не то время, не те люди. И теперь мне горько от того, что я была трусливой и не верила в себя. Вся моя сила это злость и агрессия, а это не стержень на котором держится дух, это прикрытие. Ты не должна повторять мои ошибки, иначе в мире будет на одного несчастного человека больше.

34: Всегда будь таким

Утром, Саманта встав с постели, оделась, умылась и пошла на кухню так как была голодна. Она ожидала там увидеть Гэршона, смешно попрощавшегося вчера, но к ее удивлению там орудовал Ридли.

-Что будешь на завтрак?- спросил старший брат, его голос можно счесть довольно веселым.

-Тоже что и ты,- скромно ответила Сэм.

Она наблюдала за тем, как Ридли готовит омлет, подкидывая его как блин, поджарив с двух сторон, как он наливает апельсиновый сок и выкладывает на тарелку свежие овощи. Он начал исцеляться от своей боли и это радовало Саманту, она поверила в то, что она не бесполезна.

-Спасибо,- поблагодарила Сэм, жадно вцепившись в вилку, когда Ридли поставил перед ней тарелку.

Она смотрела, как он уплетает еду. Он казался нормальным, не тронутым горем человеком, и это обычное весеннее утро не отличалось от

предыдущих, но в глазах грусть останется до конца его жизни, она всегда будет с ним, куда бы он не отправился и чтобы ни делал.

Она все сидела и думала, какие же люди разные, абсолютно разные...

-Ты почему не ешь?- спросил Ридли, накладывая себе добавку и облизывая вилку так, будто он годами еды не пробовал.

-Я ем, ем, спасибо,- Сэм улыбнулась.

-Почему улыбаешься?- в недоумении застыл Ридли, в веселом недоумении.

-Я просто рада, рада за тебя, за себя...

-Мне плохо, но ты права, я должен держаться ради нее, ради себя,- сказал Ридли и повернулся положить еще омлета.

-Так что между вами произошло, между тобой и Гэршоном?- спросила Сэм, притронувшись, наконец, к еде.

-Как? Гэршон? - любопытно усмехнулся Ридли,- он себя так называет?

-А что его зовут как-то иначе?

-Шон, я не знаю, зачем он придумал эту приставку.

-Ну, так и...?

- выдохнув, Ридли начал свой рассказ,- мы перестали быть дружны, когда я женился на Рэйчел,- на его лице груз обиды, боли и горя,- мы отдалились, я стал больше интересоваться компанией отца, ушел в работу, ему не нравилось, что я следую за отцом, за его волей, а после его смерти мы и вовсе перестали общаться. Я не знаю, глупо, но нет причины, или она где-то в голове, звучит ясно и понятно, даже логично, а вслух она кажется пустой и неоформленной.

Саманта и не подозревала, что она не единственная, кого посещают такие же мысли как у нее.

-Почему ты не поговоришь с братом?

-Наверно потому что боюсь или потому что не о чем.

-Как это не о чем. Вы не виделись сколько?

- Я женился в 23, тогда ему было 15 лет, через год умер наш отец и он ушел, на следующий год родилась Виктория.

-16 лет... и ты утверждаешь, что за 16 лет в твоей жизни ничего не произошло и тебе нечем поделиться? У меня за последний месяц с лишним произошло столько разных событий, что Стивен Кинг позавидовал бы, а у тебя 16 лет!

-Невежливо быть умнее старших,- подмигнул Ридли, стараясь поддерживать себя на позитиве.

-Попробуй, ты ведь уже такой старый, что тебе можно все и еще больше.

-Я? Старый?- с усмешкой на лице спросил Ридли и стал гонять Саманту по кухне. Они бегали вокруг стола, смеясь, как дети, пока он не схитрил и не побежал в обратную сторону и не схватил Саманту. Он поднял ее как ребенка, положив себе на плечо, он щекотал ее. Они смеялись громко, на весь дом, забыв о потерях и проблемах.

-Ладно, ладно, ты не старый,- сдалась под щекоткой Сэм.

Ридли поставил ее на пол, она улыбнулась, он тоже, она сказала,- всегда будь таким, живи для себя.

35: Гэршон

Утром Саманту разбудил сотовый. Это был Ричи.

-Что?- спросила Саманта.

-Новости о Чейне, кажется, его нашли.

-Где? Когда едем?

-Остынь, поеду я.

-Почему без меня?

-Он работает в квартале Мартинеса, а он любит девушек, если он увидит тебя там, то завтра ты уже пойдешь по рукам.

-Почему Чейн выбрал именно этот квартал?

-Мартинес подмазывается к Стьюго, он поставляет ему женщин. Это быстрый способ подобраться к Стьюго. Быстрый и опасный. Такая малышня, как правило, торгует на улице дурью, у него больше шансов нарваться на извращенцев или копов, чем незаметно подкрасться к Стьюго. Малец совсем не понимает что делает.

-Мне просто ждать?

-Да, я позвоню.

Саманта встала с дивана, озабоченно потирая руками лицо, ей опротивела мысль собственной беспомощности, она ненавидела ожидание, оно и впрямь хуже смерти - ожидание, оно убийственно.

Сэм стояла у окна, в своей огромной темно-зеленой майке, с обеспокоенным лицом, опиравшись ладонями на подоконник. Она смотрела вдаль, ее лицо озарял солнечный свет, он бережно растворялся в волосах, придавая им медное свечение. Глаза блестели, но таили в себе грусть и усталость, а Гэршону так хотелось спасти ее, укрыть от бед. Он и сейчас стоит в гостиной, перебирая взглядом каждую прядь ее волос. Он воображал: как обнимает ее, вдыхая их аромат, как соприкасаются их тела и она гладит его руки, ласково обвивающие ее талию, как он стоит позади нее, заключив в объятия и, их обоих греет солнце. Они счастливы и влюблены... Они оба глядят в бесконечность...

На сей раз Гэршон сам прервал свои видения, останавливая свой порыв, охлаждая его. Он стоит неподалеку от девушки, которую искал все эти годы, неподалеку и в дали... Как он понял, что Саманта та, кто ему нужен? Как она заполнила все его мысли? Как он в нее влюбился? Он стоял и задавался вопросами, как же так вышло? Ведь ничего не происходило, они даже не разговаривали толком. Он думал, как же люди узнают о том, что влюблены? И заслуживает ли он ее любви?

До сих пор он скитался по миру, убегая от себя, но иногда, чтобы не потеряться, нужно стоять на месте, и чтобы обрести себя, иногда, нужно вернуться домой, к истокам, к себе...

-Доброе утро,- тихо произнесла Сэм, с таким же бесшумным взглядом, он не был умиротворенным, нет, уставшим и беззвучным, не выдающим и капли хорошего настроения, ни единой. Только ожиданием можно назвать ее взор,

молчаливое, но беспокойное ожидание он видел в ее глазах, от чего сердце его самого билось в груди сильнее, от чего ему хотелось прижать ее к себе и защитить от грусти.

-Привет,- ответил Гэршон, смотря, как ее ласкает солнце,- ты не могла бы одеться,- неуклюже выронил он, опуская глаза.

Саманта была настолько поглощена самобичеванием, что не придавала значения своей привлекательности, она всегда думала об обратном, отталкивала людей, и никогда не воспринимала себя, как возможный объект восхищения, желания и любви. Поэтому просьба Гэршона показалась ей странной, но она ее выполнила, и где-то, в темноте ее мрачных мыслей, зажегся огонек, слабый источник света, еще один источник сомнений, но не в себе, а в чем-то совершенно волнующем и интересном, в том, чего она хотела, но не принимала.

Было утро, они стояли в гостиной, на них обрушилось понимание взаимной симпатии, которая пугала обоих, которой они не знали ранее. Это и радовало и создавало неловкость.

-Не хочешь пройтись? Продукты заканчиваются,- спросил Гэршон.

-Да, конечно,- ответила Саманта.

Они шли вдоль домов молча, пока не наткнулись на банду мальчишек, брызгавшихся в них водой из водяных пистолетов. Дети играли со смехом, пробегая дом за домом, и двое, прикоснувшиеся к части этой детской радости, улыбнулись на мгновение.

-Ридли голоден к жизни, я смотрю,- посмелевший Гэршон.

-Надеюсь, что он выбирается из своей трясины, надеюсь, что он правда справляется со своей болью, а не притворяется,- Сэм.

-Он никогда не притворялся. Подчинялся, но не врал.

-Может, расскажешь, что между вами произошло?

-А ты? Ты расскажешь мне, что с тобой происходит?

-Я... Да,- ответила Сэм, немного замешкавшись, ведь она не знает, как объяснить все, что творится в ее чокнутой жизни.

Двое гуляли по супермаркету, собирая в корзину продукты: он говорил, она слушала.

-Мы с братом работали в компании отца, это было его детище, так он ею гордился. Я никогда не интересовался бизнесом и экономикой вообще, но что делать, если твой отец так любит свое творение, мы не могли его подводить. Когда я был подростком, я выполнял поручения Ридли, который всю горел на этой работе. Отец не делал поблажек, Ридли пришлось начинать с самого низа, с должности курьера, и он справлялся, к двадцати одному году он уже возглавлял отдел по продажам и ждал повышения, которое получил вскоре... а я только начинал.

Отец был одержим своей фирмой настолько, что не щадил чувства близких ему людей. Он заставил Ридли жениться на Рэйчел - дочке нефтяного магната, это лишняя страховка бизнеса и приток денег для расширения- превосходная возможность.

Ридли не хотел огорчать отца и сдался, отказался от себя, своих желаний и погряз в этом глупом кошмаре. Я взбунтовался, умолял его отказаться и не воплощать бредовые идеи отца, но он не слушал меня.

Как-то на рождество, мы собрались вместе, всей семьей и два каторжника были с нами, Рэйчел и Ридли; их свадебные приглашения были до невозможности гармоничными, как и они сами, но это обман, дорогое представление для зрителей.

Я молчал, глядя на искалеченные жизни Ридли и Рэйчел, перестав убеждать моего брата в том, что он совершил ошибку.

Так вот, в это рождество отец заикнулся о моем вкладе в семейный бизнес. Отец говорил, что я не проявляю должного усердия, что он готовит для меня будущее и все в этом духе- эгоистичные мечтания о вечном процветании его компании. Знаешь, он был похож на Голлума с кольцом, его фирма - его прелесть, он был готов наши жизни положить на алтарь своих трудов.

В то рождество я выслушал исчерпывающий план моей жизни, расписанный по минутам. Мне опротивело быть марионеткой в его руках, и я накричал на него, сказал, что никогда и ни за что не загублю собственную жизнь, как это сделали они, указывая на брата и его жену. Я был взбешен и не давал отцу вставить и слова. Он был поглощен своей работой и ему невдомек были мечты и чаяния других - это его рок, он правда не понимал что губит людей вокруг и поэтому был так удивлен моим заявлением об уходе из компании. Его подбородок трясся от возмущения, а от искреннего непонимания собственного заблуждения он упал в обморок.

Сердечный приступ. Вот чем ознаменовано было то рождество. Через неделю он умер, не приходя в себя. Убитая горем мать проклинала меня, обвиняла в его смерти, сказала что ненавидит меня и все такое - идущее от гнева и отчаяния. И я ушел... убежал...

Ридли возглавил компанию, и, работа стала его убежищем. Ответственность, на которую я его обрек, он нес сам, в одиночку. Ридли не отвечал на мои письма, а мама, однажды, написала, что забыла мое имя, что у нее только один сын, который трудится на благо семьи. После этого я перестал им писать и поддерживал связь только с нашим общим другом, который вкратце описывал мне происходящие дома события. Так я узнал о рождении Виктории, которая стала отдушиной для Ридли, она была всей его жизнью, я посылал подарки на дни рождения, рождество и прочие праздники, а когда она научилась писать, присылал открытки из тех мест, городов и стран, где был. Виктория отвечала, мы общались, обменивались фотографиями и прочим. Ридли не препятствовал, он говорил ей, что зол на меня, но это наши с ним дела, а Виктория не причем, поэтому разрешал нам общаться... Я ее никогда не видел, только на фото, но она мне родная племянница, которая делилась своими переживаниями со мной, она любила своего бездарного дядю, до самого конца. Узнав о смерти Рэйчел, о том как она ушла из жизни, я собрал вещи и приехал. Я был на похоронах их обеих, но даже тогда Ридли не захотел со мной говорить. Я развернулся и поехал

прочь, как в те рождественские каникулы, когда меня изгнали из дома, из их жизни. И я их не виню...

-Но ты вернулся?!- воскликнула Саманта.

-Да, не знаю, что заставило, наверно последнее письмо Виктории, она писала, что мы должны простить друг друга,- этому письму уже полгода. Больше мы не общались, она была слишком слаба, чтобы отвечать на мои письма.

-У богатых свои проблемы...- проронила Сэм, глядя на Гэршона с горечью. Каждый день ей открываются факты, которых с лихвой хватило бы на десяток кинофильмов, и ей было так обидно за них, за жизни всех ее новых знакомых, она не представляла, как такое могло произойти с ними. А она в двух шагах от пропасти их жизней. Она уже сейчас летит вниз, проносясь мимо обрывков их воспоминаний, горьких и жестоких, но вскоре они ее окончательно столкнут в темноту. Она словно светлячок в банке, скоро задохнется и угаснет.

Саманта и Гэршон давно уже были дома, они разговаривали на крыльце, не разобрав пакетов.

-Не надо было рассказывать,- тихо произнес Гэршон, заметив, как Сэм расстроилась.

-Нет, почему, просто, оглядываясь, я не могу вспомнить ни одного счастливого человека. У всех кого я знаю, была дерьмовая жизнь.

-Ты не должна так сострадать, это прекрасно и говорит о тебе многое, но нельзя так растрачиваться на других.

-Мне уже не переплыть эту реку, она слишком бурная,- сказала Саманта, поднимаясь по ступеням в дом.

36: Ее переживания пусть остаются при ней

Ночь. Снова сон. Очередное испытание. На сей раз, Саманта видит все со стороны. Она видит Ридли в черных брюках и рубашке, он раздраженно ослабляет галстук, оттягивая узел пальцами, галстук повис на груди, а сам Ридли уперся руками в стену. Он стоит, опустив голову, потом начал ею качать в стороны и резко повернулся сам, сбив руками лампу с комода, стоявшего в коридоре перед лестницей. Он сбил ее, протяжно крикнув, это крик душевной боли, боли потери, он звонкий и режущий слух, глубокий и сдавливающий горло. Ридли не остановился на лампе, он сметал все предметы на своем пути: разбивал вазы, бил зеркала, ломал стулья, бросая их в портреты на стенах его дома. Он крушил все, беспрепятственно уничтожая мебель, сдирая обои. Он в отчаянии и скорби рубил топором лестницу, ее ступени, кромсал убранство кладовой, ломая картины, которые он писал когда-то давно; он видел их и ненавидел себя еще больше, еще больше злился и громче кричал, ничего не могло унять его боли.

Он разрушил свой дом, который любил и ненавидел; где растил дочь и терял себя. Он превратил некогда светлое жилище в поле боя теней,

раздирающих его душу, в пещеру чудовища, мрачную и безжизненную берлогу давно не существующего человека, человека, которого не было.

Шло время, припадок злости стих, Ридли все чаще наведывался в "колодец" за вином, виски и иной выпивкой, которой было в избытке. Он запивал горе, пытаясь избавиться от снедающих мыслей, от скорби, преследующей его. И он утонул в этом болоте, потому что не видел смысла продолжать свою никому теперь не нужную жизнь.

-Ты знал, что Ридли рисует?- спросила Сэм, которой в голову пришла идея, будоражающая ее сознание.

-Да, раньше, но он бросил, отец считал, что это не серьезно и Ридли прекратил занятия живописью.

-Так это его картина уцелела? Ты ее в "колодце" нашел. Может он снова возьмет в руки кисть?- сияющая от возможности угодить Ридли Саманта.

Гэршон смотрел на нее с улыбкой, смотрел, как она загорается этой идеей - пробудить в Ридли прежнего, молодого Ридли, пробудить его самого. Он отвлекся от жажды и все больше проникался ее душой. Ему было интересно, как она стала такой сильной, сострадательной до изнеможения, жертвенной, с непреодолимым желанием помочь, спасти кого-то. Он хотел разделить с ней ее тяготы, но она ничего о себе не рассказывала. Ее жизнь окутана дымкой из тайн, секретов и грусти, которые он видит в ее глазах каждый день. Ему хотелось узнать ее поближе, как можно ближе. Непреодолимая сила влекла его к ней, и он не может сопротивляться, он не понимает, как и почему это происходит с ним, ведь он тоже никогда не любил.

Саманта была права насчет своего окружения, хотя, он мог судить лишь по себе и своей "семье". Все они лишены любви и собственная жизнь была для каждого клеткой, пристанищем оскорбленных душ, которых бросили сражаться с самими собой, у которых отняли надежду и веру, которых сломали. Но также Гэршон отчетливо понимал, и даже верил, что появление Саманты - это спасительный якорь, а она сама это опора, спасательный круг в океане безнадежности, верил в то, что она поднимет их с колен своей энергией, своей любовью озарит их жизнь, и он прав, у нее получится, если он ее не оставит. Ведь оба они еще не знают, что их ждет, они не ведают своей судьбы; он пытается потушить в себе огонь, разжигаемый при ее виде, она не замечает своих порывов, но судьба свела их не напрасно и они это поймут.

Накупив художественных принадлежностей, Сэм с нетерпением ждала одобрения Ридли, она поднялась к нему в комнату и обнаружила, что тот латает дыру в потолке, стоя на стремянке. Она, улыбаясь, опустила пакет на пол и бесшумно вышла, Ридли ее не заметил. Она решила не беспокоить его, а подождать немного, может он сам проявит интерес и ей не придется его заставлять притронуться кистью к холсту.

Время вечернее. Гэршон и Сэм сидели на кухне. Она ждала звонка от Ричи; он пытался о ней не думать.

-Почему ты изменил свое имя?- спросила Сэм заменяя ожидание на любопытство.

-А откуда ты знаешь, что меня звали иначе?

-Ридли сказал мне. Ему тоже интересно, откуда взялась эта нелепая приставка?

-... Она не нелепая, в ней есть тайный смысл.

-И?

-... ладно,- нехотя отвечает Гэршон,- я путешествовал, очень много, побывал почти везде, объездил полмира. В Израиле, я прожил около трех лет и подружился с одним парнем, его звали Нико. Ему тоже была интересна моя слезливая история и, когда я ее рассказал он и нарек меня "Гэ'ршон", что в переводе означает "изгнанный". Так я из Шона превратился в Гэ'ршона. А потом это имя приелось и вовсе стало моим.

-Интересно... Но тебе ни к чему это имя. Ты дома и ты нужен брату и он нужен тебе. Ты приехал, чтобы исполнить последнюю просьбу Виктории и помириться с Ридли, так выполни ее. Вы братья, братья по духу и крови, вы просто потерялись в тумане чужих желаний, найдите друг друга, станьте братьями вновь, иначе вы оба обречены на муки совести, поверь мне, после смерти не остается ничего, кроме сожалений, если при жизни не исполнить то, что задумал.

-...- принимая всю серьезность слов Саманты Гэршон спросил,- откуда ты знаешь, что чувствует душа после смерти?

-Я знаю, потому что умирала, потому что слышала голоса этих душ, отчаянно пытающихся исправить ошибки.

-Что?- Саманта напугала Гэршона своим заявлением, и он не верил своим ушам,- умирала? Слышала?

-Да, ты спрашивал, что со мной происходит ночами, почему я грустная. Я вижу смерть, она приходит ко мне во сне, я вижу в нем боль и чувствую ее. В моей голове звучат голоса: Энди- девушки которую зверски убили, которая хочет найти своего брата, что я и делаю, по крайней мере пытаюсь, вот почему я пропадаю куда-то, я помогаю ей его искать; и еще один голос не дает мне покоя, это голос Виктории. Я помогаю им закончить их дела, завершить то, что они не успели. Я вижу во снах их жизни, их воспоминания, и даже пророчества... я переживаю их страдания в их телах... во сне, я, это они... я ощущаю телесную боль и страх... Так что я умирала сотни раз в своих снах, в одних как Энди, в других как Виктория. Я знаю о чем они думали в последний миг, я знаю о них все, я это они, от того я сама не своя. Я начинаю забывать себя, уставать от ужасов, которые им обоим довелось пережить. Пытаясь им помочь, я стала свидетелем зверских убийств и мести, стала причастной к жизням многих людей, к их историям, но я не имею понятия как с этим справиться. Я просто следую за снами. Следую за зовом сердца.

Гэршон смотрел на Саманту с лицом, выражавшим страх, испуг. Он и представить себе не мог, что все настолько серьезно.

-Саманта,- в первый раз назвав ее по имени Гэршон обеспокоенно спросил,- ты здорова?

-... Я знала, что не надо рассказывать, знала, что ты не поверишь, и никто не поверил бы. Конечно, я не здорова! Я же слышу голоса! Вижу всякую чушь!- в давней манере исполнения Саманта начала кричать, добавляя,- По мне психушка плачет, место, где меня починят, перед тем как выкинуть на свалку! Моя жизнь и так сплошное гнездо кукушки, а ты мне не веришь!

Саманта хотела выбежать из кухни, но Гэршон ее остановил. Она брыкалась и била его кулаками в грудь, он терпел, крепко удерживая в своих руках. Она кричала, а он держал ее...

-Так откуда ты знаешь, что чувствует душа после смерти?- спрашивает Гэршон у отстранившейся от разговора Саманты, которая представила дальнейший ход событий. Это было предчувствие, и она им воспользовалась.

-Я предполагаю,- ответила она, понимая, что не стоит говорить правду, не стоит рушить то, что тихим ходом налаживается, тем более, что это не важно, главное результат, а ее переживания пусть остаются при ней.

37: И все старания летят к чертям!

Утром следующего дня Сэм нашла пакет с холстом и красками за дверью комнаты Ридли. Он не переставал ее разочаровывать, а она и так вторые сутки сходила с ума от неизвестности. У нее болит голова, боль режет ей виски, она чувствует слабость своих "подруг", она давно их не слышала, она боялась их потерять, ведь они появлялись все реже. Их частое мерцание сказывалось и на состоянии Саманты, уже которую неделю она не спит и не ест как нормальный человек. Весна подходит к концу и души трех слабеют, у них мало времени.

-Ридли?!- выкрикнула Саманта, постучав в залатанную дверь его комнаты. Он открыл.

-Что случилось?- спросил хозяин дома.

-Почему выставил краски, я думала, ты любишь рисовать?

-Любил... Спасибо тебе за старания, но я не могу так быстро перестроиться и начать жить. Я благодарен тебе за то, что вытащила меня из этих зыбучих песков, но я взрослый человек, я сам решу свои проблемы.

-Сам?- вернулось прежнее саркастичное выражение лица,- Сам? Ага... Хорошо... сам так сам, что я вообще тут делаю? Конечно ты взрослый,- по лестнице поднимается Гэршон,- вы оба взрослые!- Саманта крикнула разгорячено, импульсивно разводя в воздухе ладони,- взрослые, не осмеливающиеся поговорить друг с другом: один- отрицающий свое прошлое, второй- убегаящий от него. Да прям сплоченная команда аутсайдеров которым страшно произнести собственное имя! Это просто

смешно,- крик стих, на его место встал возмущенный назидательный голос,- делайте что хотите, почему я должна тащить вас на своей спине, тоните в своем болоте дальше, пока в один прекрасный день, перед смертью, до вас не дойдет, ну так, случайно, что жизнь вы потратили в пустую, а ведь можно было сделать первый шаг... Вы два упрямых осла... У меня есть дела поважнее, чем сопли ваши вытирать. Вы сильные молодые мужчины, красавцы которых только и ждет этот свет, дороги открыты, а вы ведете себя как слюнтяи, недостойные памяти. Вы мне надоели. Виктория была бы разочарована в вас обоих, ведь только посмелев, вы отступаете, вы сдаетесь на полпути, вы слабаки...- и она ушла, ушла сидеть на крыльце, сжав в руке телефон.

А двое братьев стояли, переваривая ее слова, ведь она права.

-Ты снова на взводе...

-Обычно это твое состояние Энди, так что не критикуй.

-Ладно вам, девочки, не ругайтесь, дом не выдержит пяти разъяренных людей,- Виктория.

-Как я счастлива вас слышать! - Сэм.

-Если бы не сарказм, было бы мило, - Энди.

-Я просто устала от всего, у меня не выходит... ничего не получается... я на грани, - Сэм.

-Все нормально, все утрясется, - Вики.

-Как? У вас мало времени, а у меня уже нет сил... я никому не нужна, никому кроме вас, а вы мертвы,- плачет Саманта,- да и нужна я вам, как письмо или посылка, до востребования, как только я исполню ваши желания, плененный джин уже никому не нужен... и все старания летят к чертям!

-Сэм, не плачь, пожалуйста, не думай, что мы пользуемся тобой,- Виктория.

-Я бы тоже так сказала,- вмешалась Энди,- раньше, я бы в точности повторила твои слова Саманта, но сейчас, позволь мне открыть тебе глаза твоей же манерой: перестань упрекать себя и жалеть весь этот гребанный мир, тон Энди переходит на свойственный Саманте громогласный крик,- поднимись, утри слезы и поверь, наконец, в себя! Протри глаза, ты не одинока.

-Да, - Виктория,- разве ты не видишь, как он на тебя смотрит, он влюблен, да и ты при каждом его слове вздрагиваешь, хоть это и не заметно тебе самой, но мы то чувствуем, что творится у тебя в голове, в сердце... Прости нас за этот груз, из- за него ты не разглядела собственных чувств. Ты потерялась в нас.

-Спасибо за понимание, но как я могу в себя поверить, если даже вы, это плод моего воображения случайным образом совпавший с реальностью?

-Оставь Вики, не сейчас, бесполезно, по себе знаю,- Энди.

38: Не в силах...

Доведенная до предела своих возможностей Саманта кипела от злости и усталости, волна нахлынувших событий уже сминает ее под себя. Вечер неумолимо тянет ее за собой, в темноту, ветерок так и подталкивает в эту бездну психозаморочек, которые отчасти выдумала она сама, и которые обрушились на ее плечи извне.

После холодного душа, она сидела на диване в гостиной, где спала. Гэршон вышел из своей комнаты для гостей и устремился на кухню. Был уже поздний вечер, очень поздний и темный. Темный и сухой, глухой и сдавливающий горло. Эта духота воздуха и темнота проблем давили на Саманту. Дерганная, она встает, перебарывая страх быть отвергнутой, почти не осознавая, что делает, она идет вслед за Гэршоном. Она не думает ни о чем, просто твердит себе: "ты настоящая, ты настоящая, живи". Она медленно заходит на кухню, Гэршон оборачивается, он не ожидал ее разбудить, но она и не спала вовсе. Да и в глубине души он знал это, надеялся, что она его заметит. Он часто стал показываться ей на глаза нарочно. Когда мы влюблены, мы не руководим собственными поступками, мы просто стараемся обратить на себя внимание, любым способом: мы можем пройти мимо, предложить сесть рядом, обнять без причины, коснуться лица, убирая с него волосы, поправить воротник на рубашке, лишний раз улыбнуться, в надежде, что тебе улыбнуться в ответ и может в этот раз все станет понятно.

И сегодня оба они надеялись, что окажутся здесь и сейчас, одни, наедине друг с другом. Он, не понимающий как люди влюбляются, и она, не принимающая себя.

Саманта стояла перед ним, вздрагивая от неровного дыхания. Гэршон чувствовал ее жар и волнение, стоя от нее в двух метрах. Его мысли полны ею, она жаждет его близости. Оба, смотрят в глаза: он, в ее карие, скрывающие секреты, она, в его, блестящие и искрящие желанием. Не стерпев наплыва эмоций, Саманта сорвалась с места и бросилась в его объятия, как освобожденная птица со сломанным крылом, сорвавшаяся с утеса, она летит в пропасть, но должна подняться ввысь, выбраться из темноты и окунуться в лучи света, чистоту неба и свежесть радостных дней.

Сэм обвила руками шею Гэрсона, жадно целуя его губы. Лишь прикоснувшись к ним, по телу Саманты пронесся электрический ток этого влечения, он обращал черные пики злости и усталости в благоухающие трепетом цветы, зреющего в ее душе огня, огня влюбленности. Страсть кипела в них обоих. Он поднял ее за ягодицы, прижимая к себе, она свела ноги за его спиной. Он держал Саманту, отвечая на поцелуи, наслаждаясь ими. Движения Сэм были спешными, его же иные; Гэршон, сгоравший от пламени ее неумной энергии, неторопливо посадил Саманту на кухонный стол, продолжая целовать ее губы, шею, одновременно расстегивая молнию ее толстовки. Его прикосновения отзывались в ней бурей восторга, его губы,

мягкие и желанные, она чувствовала в них каждую ноту наслаждения, теплые руки прижимали ее к разгоряченному торсу, с которого Сэм сняла майку. Она ощущала напряжение его упругого тела, жаждущего слиться с ней. Она хотела того же... Он бережно стягивал с нее джинсы, поглаживая пальцами золотистую кожу ее ног, Гэршон медленно поднимал голову, целуя ее ножку, нежно и откровенно, чувственно, она богиня для него, шедевр, к которому он отдается без остатка. Она сняла с себя топ и поднимала рукой подбородок Гэршона, к своему лицу, он, ослепленный страстью, поглаживал ее бархатистую кожу в унисон направлению, которое задала Саманта. Еще один поцелуй, вспыхивающий красками безудержного счастья, приковывает их друг к другу. Они не могут оторваться, оба вкушают сладкий плод, рискнув продолжить.

Гэршон постепенно доводит поцелуй до предела упоения, делает маленький вдох, немного отстранив свои губы от ее губ, он хочет рассматривать свою женщину, он хочет наслаждаться ее красотой. Гэршон начал с глаз, таких глубоких и живых. В них тайна и откровение слились в водовороте, который затягивает его в самые сокровенные участки души Саманты. Поглаживая ее волосы, его взор спускается ниже к губам, полным свежести весны, они словно молодые бутоны роз, распускающиеся лишь от любви и заботы; к шее, тонкой, напоминающей о хрупкости Сэм; к груди и ниже, и ниже... Он видит свое сокровище, он желает ее как обезумевший пират богатства, она здесь, в его руках, невинная и непорочная... невинная... непорочная снова и снова заиграло у него в голове. Страстное желание плоти сменилось упреком. Он видит уже не знойное тело, а белый цвет белья... этот цвет сводит его с ума, напоминает о ее юности и он ненавидит себя сейчас за то, что пытается совратить девятнадцатилетнюю девушку, здесь, на кухонном столе, эти мысли приводили его в ужас и он отпрянул от Саманты, как от прокаженной, отводя взгляд в сторону, а в голове все мелькало: "белый, белый! Она невинна и чиста... и так нельзя..."

-Что случилось?- спросила напуганная Саманта. Первый опыт всегда накладывает определенный отпечаток. В первый раз ты не уверен в себе, не знаешь как себя вести, просто подчиняешься порыву, следуешь за ним, и когда что-то не выходит, ты недоумеваешь и начинаешь все больше разочаровываться в себе.

-... Я так не могу,- ответил Гэршон, теперь уже смущавший Саманту своим голым торсом.

-Как это понимать?

-Прости, но я ... не могу...- прерывисто говорил Гэршон, невольно указывая на белое белье Саманты.

-... Хм... Будь я в черном, все было бы нормально? Не нравится, сними его с меня, и все,- сгорающая от неловкости Сэм.

-Нет, - опровергнул слова Саманты Гэршон, но он знал, что "да", конечно, было бы по другому. Но он хотел думать о себе лучше, чем он есть на самом деле,- это не важно, я просто не могу...

-Мне скоро двадцать будет,- окончательно разбитая Сэм.

-Дело не в этом, даже не в том, что мне тридцать два, и не в том, что ты невинна... это должно быть не так... ты этого не хочешь...

-Что?- Саманта начала ронять слезы, закрывая свое тело одеждой, свернутой в комок, таким же было состояние ее души, свернутый, выпотрошенный и никому не нужный комок, пустой внутри, истекающий жалостью, страдающий от боли и одиночества, комок, сжимающийся до тех пор, пока не исчезнет.

-Ты сказала, что я убегаю от своего прошлого, а от чего бежишь сейчас ты? Я не хочу стать избавлением от проблем на один раз. Я не позволю, чтобы на утро ты жалела об этом. ... Я хочу тебя, сильно, но ты ищешь минутного забвения и, я не могу этим пользоваться.

Саманта только сейчас осознала всю глубину своих чувств, но птице с подбитым крылом, не суждено сегодня выбраться из тьмы. Она сползла со стола, надела джинсы, накинула толстовку и обреченно вышла на крыльцо, тихо закрыв за собой дверь, без истерик, без криков, без импульсивных порывов, тихо, с озером слез на глазах, блестевших отчаянием, доведенным до безумия. Гэршон стоял, окутанный грустью и злобой, он не знал как себя вести, не знал, что правильно, что нет... Он ее любит... но...

Снаружи, обессилив, Сэм упала на холодные доски. Согнувшись пополам, она пыталась унять раздирающую изнутри боль, реальную, физическую, будто ее внутренности резали металлическим крюком, проворачивая сталь, сдирали мясо, глубоко и небрежно, а саму ее вздернули на дыбе. Голова не способна выдерживать давление и пульсирующая кровь разорвет ее новым толчком. Боль сводит виски обручем, кажется, что сами кости черепа становятся мягкими, они словно продавливаются, окисляются напряжением всех пережитых впечатлений; жестокие убийства и насилие, оправданные мстью, благим намерением спасти двенадцатилетнего мальчика; кровь, обагряющая прошлое Виктории, кровь, наполняющая реки, льющаяся по дорогам Мидтауна, смывающая доброту, запах воздуха полон железа, последние дни с его послевкусием, ее лицо и руки в каплях этой красной жидкости, она увязла в ней, тонет в полутонах кровавой несправедливости, гибнет в уничтожающей людей ярости.

Саманта увядает, как цветок без заботы, без света. Она поглощена тьмой безграничного одиночества, непонимания, страдания за судьбы тех, с кем ей довелось соприкоснуться. Ее сердце разрывается от пережитых жизней, оно устало гнать по жилам гнев, заражающий душу, устало от смрада этих улиц, от гнили адских душ, оно не может вечно сопереживать, оно остановилось и ничего не слышно кроме звонко тухнущего пульса...

Сэм, павшая к трону ада, к ледяным, режущим кожу, мускулы и кости, языкам пламени, лежит, съезженная в ком. Ее ладони впитывали холод и мрак дощатого пола. Прямые пальцы тянули сырость за собой, к истощенному эмоциями телу и душе, чтобы застыть и не проснуться, чтобы избавить себя от этой порочной реальности, грязи этого мира, незаслуженных уроков жизни, ото всех тухлых и прогнивших людей, от черноты их мыслей, от

ужасов, подстерегающих за поворотом, от мерзости этой действительности, от ночных кошмаров...

Саманта лежит на грубом деревянном полу. Ее тело остывает, по щекам текут горькие слезы, стекающие вниз, они пропитывают доски солью измождения; из носа мелкой струей хлыщет ненавистная Саманте кровь, глаза объаты красной паутиной, в них, мраморных, устремленных к звездам, как когда она лежала у себя в комнате на полу, свернувшись в клубок, читается лишь окончательное изнурение. Сэм не в силах больше терпеть и бороться в одиночку, бороться с миром и с собой.

39: Оба

Этой ночью Гэршон не спал. Лишь смотрел в потолок, лежа на кровати. Сожаление о случившемся не покидало его голову, он не знал, правильно ли поступил. Дело даже не в том, что правильно, а что нет, а в том, хотела ли Сэм того, от чего он отказался. Он не мог поверить в то, что влюбился, в то, что полюбили его, как и Саманта - они оба, потерявшиеся в этом мире души, забывшие свой единственный долг в жизни - быть счастливыми. Они оба отстранялись от любви, не позволяя людям проникать в их мирок, сквозь плотную пелену страхов, обид и чувства вины.

Гэршон испытывал близость женщин, но только физическую, ни одной из девушек в мире не удавалось пробить эту нелепую броню отчуждения от искренних чувств. Он нарек себя изгнанником, лишенным права на счастье, а Сэм...? Что ее заставило отделить себя от мира? Девочка, с детства привыкшая к насилию, росла в атмосфере ненависти и гнева. Она не видела любви и нежности, даже от матери, ведь та боялась защищать свое дитя от монстра, которого любила. Нелепость, да? Какая коварная вещица, эта, любовь? Неделями сидя взаперти, Сэм читала книги, смотрела фильмы, вынося из них то, чего не видела ни дома, ни у соседей, ни у друзей. Ее мир - это она сама, ее чувства - это весь мир. Она наблюдала за людьми сидя на лавочке в парке, смотрела, как они ссорятся, мирятся, влюбляются, страдают и радуются. Музыка - ее утешение. С наушниками в ушах, она часами переваривала переживания других людей, она острее чувствовала их обиды и злость, сострадала их грусти и скорби. Но единственное что доводило ее разум и душу до неимоверного изнурения - это несправедливость. От жестокости ли, от насилия или от поворотов судьбы, она не могла выносить несправедливость. Пропуская через себя эмоции других людей, она забыла о своих... отстранилась от жизни и стала наблюдателем, перед которым, в тумане, мелькают люди и события. От этого ей казались несносными диалоги сверстников, их заботы и чаяния. Воспринимая жизнь глобально, ее проблемы казались мелкими, ничтожными, и это помогало Саманте с ними справляться.

Утро.

-Кто-нибудь еще остался в этом доме? - громко крикнул Ридли.

-И все же? - Ридли предпринял вторую попытку, после пяти минутной паузы.

-Очевидно только я,- сказал Гэршон, облокотившись на стену.

-Сэм куда-то ушла?

-Наверно. Мы повздорили слегка...

-Может она на меня обиделась? - тихо произнес Ридли, как бы уступая в диалоге с братом, в попытке наладить их давным-давно рухнувшие отношения.

-За то, что ты непрошибаемый упрямец, которого она все пыталась растормошить, отвлекая от... - Гэршон опустил глаза, не желая напоминать о дочери и жене.

-Мы братья, так что ты тоже упрямый... не общаться со своей семьей столько времени...

-Я не мог... просто не мог, понимаешь?

-Ты эгоист Шон!

-Гэршон...

-Что за глупость!

-Я эгоист? Эгоист? Мать от меня отказалась, думая, что я довел отца до инфаркта. И хуже всего, что я сам виню себя в его смерти. Я плохой свободолобивый и безответственный сын, но не эгоист!

-Ты думал только о себе, мама погорячилась, а ты не нашел в себе силы простить, ты всегда горячо на все реагировал и сдавался на полпути!

-Я думал о себе? А ты? ... Ты у нас любимец отца, его гордость и, отрада матери, ты всегда думал только о том, чтобы не ранить чувства родителей, всегда шел у них на поводу. Они реализовывали свои мечты через тебя, забывая о твоих. Так что хуже брат, думать о себе или отказаться от себя?

-Ты несправедлив,- сказал Ридли, мотая головой, с выражением боли на лице, с обидой на правду, в которой он боялся себе признаться, - несправедлив...

-Возможно, но тогда ты тоже.

-Ты ушел, оставив на мне мать, и дела отца, у меня не было выбора, и я не мог себе позволить рисовать и упиваться уличными симфониями, рассуждая о смысле жизни. На мне была семья!

-Ты предал себя еще в то рождество, когда отец окончательно свел тебя с Рэйчел. Ты попрощался с собой много лет назад, так что не ищи себе оправдания вроде семейного груза после потери отца. Тебе просто не хочется смотреть правде в лицо, потому что тогда, получится, что у тебя не было жизни и тебя самого не было. А с этим смириться сложно...

-Философия твой конек... Вот только она идет в разрез с реальностью. Наши желания не всегда совпадают с нашими возможностями, но тебе не понять, ты же жизнелюбивый парень...

-Ты упрекаешь меня в том, что я отказал отцу... Мне не нравилось работать в его фирме, как и тебе, но я не жаловался, никогда, я честно работал и пробивался вверх, и смирился бы с тем, что у меня скучная работа, как и у всего населения земного шара, работа есть работа, но я не собирался приносить в жертву властности отца свою жизнь. Работа и личная жизнь

разные вещи. Все что касается работы - это долг и неизбежность. А моя жизнь, это все что доставляет мне радость, и здесь, я могу философствовать, быть безответственным, могу все, что угодно. Личная жизнь - территория свободы. Если бы ты отказал отцу тогда, он бы переживал и злился, но не отказался бы от тебя. Он бы смирился с тем, что у его любимого сына другие мечты.

-Хочешь сказать, что во всем виноват я? В том, что я не смог сделать счастливой Рэйчел, в том, что Виктория заболела, в том что мать отказалась от тебя и в том что я самый несчастный человек?

-В своем несчастье, да, ты виноват. Но не приписывай себе грехи других. Ты ничего не мог сделать, Виктория заболела и умерла, это ужасно, но ты не Бог, чтобы суметь ее исцелить. А Рэйчел... Ты бы не смог сделать ее счастливой. Вас заставили заключить брак. Вы уважали друг друга, но этого мало. Она мучилась, но не от того, что ты был рядом, а от того, что она не смогла возразить своим родителям, что она не обладала смелостью распоряжаться своей жизнью. Она страдала только от этого. Ты не виноват в ее смерти.

-У тебя всегда все складно...

-... Саманта пыталась донести эту мысль до тебя, но ты не слушал...

-Она донесла очень ясную мысль: что моя жена и дочь умерли не просто так. Это мне знак свыше. И как после этого мне не винить себя?

-С чувством вины можно жить. Это всегда останется при тебе, но это не должно быть центром. Я согласен, все не случайно, может Сэм права, может тебе дали второй шанс начать сначала... Это ужасно звучит, но может тебе и правда пора перестать жить ради других, а начать жить для себя?

-... А тебе? Что? Пора жить для других? Мы теперь поменяемся местами?

-Не заводись...

-Не говори мне что делать...

-Ридли...

-Нет! У тебя нет права так говорить!

-Этого права нет ни у кого. Но ты должен, наконец, это осознать.

40: Настоящий страх

-Я думала, я сильнее, думала, что смогу выдержать это давление... но, я... я так устала... от себя, от этой беспробудной жестокости, этой печали. Я словно ненужный никому материал, впитывающий чужое горе, всасывающий яд в себя... я полна им и, он меня убивает. Меня убивает и моя безысходность. Я ничто и ничего не могу с этим поделать... Я просто пустяк, сорняк, выросший на ваших воспоминаниях. Ваши надежды не оправданы, я вас подвела... я подвела всех... всех... и себя...

-Милая, ты что-то сказала?

Послышался чей-то голос и, женский силуэт пробирался сквозь туман. Все вокруг было в нежно-розовых тонах, на фоне темного дерева, из которого сделаны поручни лестницы и мебель. Саманта оказалась в богатой зале, украшенной цветами и тканью, лентами, бантами- это свадебная зала. Сэм не видела себя, смутно проглядывались и другие люди, было похоже на невнятный сон, на картину, сюжет которой медленно сдувает ветер; она шла на голос и наткнулась на комнату, в которой стояла невеста. Она была очень красивой, в изящном платье, но, даже сквозь туман и разводы на этом полотне, была заметна ее грусть... она несчастна. Девушка пытается сказать, что не хочет этого брака, а женщина, за чьим голосом следовала Саманта, говорила: " ну что ты, милая, тебе просто страшно, как и всем в этот день". Невеста пыталась объяснить, но ее мать была непреклонна, и ласковый материнский тон сменился приказным и строгим: " ты должна Рэйчел! Ничего не хочу слышать".

Свадебные образы вмиг унесло в водовороте цветных пятен и, вместо них появилась иная картина. Черный и серый цвет - мама Виктории, со стекающими по щекам слезами нервно пишет что-то на бумаге, дописав, пристально смотрит на текст, как бы прощаясь, с глубоким сожалением, с пониманием всего, что хочет сделать, с уверенностью в решенном, но с горечью... и, кладет это послание в конверт, делая последнюю надпись - "Виктории"...

После, Рэйчел взглянула прямо в глаза Саманте и сказала: " найди его, она должна прочитать", и все образы исчезли. Сэм уже не делала различий между сном и реальностью, мистикой и вымыслом.

Открыв глаза, Саманта оказалась в ящике, в том самом, в котором держали Энди, незадолго до ее убийства.

-Боже, снова этот сон, снова эта боль, я не хочу, не хочу больше страдать как ты, избавьте меня от этого, разбудите меня... прошу...- говорит измученная Сэм, прижавшаяся к задней стенке ящика.

-Это не сон и не воспоминание... это действительность,- сказала Виктория.

-Что? - обреченно спросила Сэм.

-Все по настоящему, ты только что проснулась, мы проснулись... здесь... снова...- испуганно, но верно произнесла Энди,- тебя поймали, ты в ящике...

-Что? ... Нееет!- кричала Сэм, она кричала и била кулаками по деревянным доскам ящика, била в истерическом испуге. Сейчас это не просто картинка перед глазами, которая растает в воздухе, это полотно событий. Не зная, что произойдет, человек таит в себе надежду на спасение, а зная, его страх множится так же как и боль и, это вытерпеть никто не в силах.

-Сэм... пожалуйста, Сэм...- сглатывая слезы, говорила Виктория, призывая Саманту успокоиться, но Сэм не могла. Она лишь сдирала о доски свою кожу, как загнанная лисица, пытаясь выбраться... но это не поможет. Саманта стучала кулаками по ящику, выпуская мольбы через древесные просветы, она кричала и умоляла, выпустить, но никто не слышал. Она надрывала голосовые связки, - неет! неет! - выпуская накопившейся страх, который не просто заставлял бояться, он обволакивал каждую клеточку тела, доводя до

безумия и, это безумие заставляло метаться внутри ящика, осознавая безысходность, и только темнота вокруг, только гниль и доски, и нет спасения.

Со сбитыми в кровь руками, у, Сэм вторые сутки сидела в темном ящике, смирившись с тем, что будет, а она видела свое будущее и не раз.

41: Встреча

Послышались чьи-то шаги. В комнате зажегся свет. Слепнущая от него Саманта закрывала щели ящика рукой, но неожиданно его стенки начали скрипеть, и крышка открылась. Саманту вытащили из деревянного плена и бросили на бетон, она не видела, только ощущала хруст своих костей. Потом ее тащили по полу как труп, волоча ее за предплечья. Она пыталась привыкнуть к свету, но глаза не слушались, режущая боль их сковывает, и Сэм поняла- началось...

Любезные пленители швырнули Саманту под ноги довольно высокого и крепко сложенного человека, с зализанными гелем черными волосами, каждая выделяющаяся мышца на его теле, гладко выбритая грудь (а он стоял в одних только брюках) говорили о его жестокости и безумной любви к насилию. Его лицо: впалые щеки, ярко-голубые глаза, блестящие губы, рисовали образ свирепого до крови и зрелищ человека, один его взгляд, как разящий катана Кенджиро¹⁴, разрубающий человека на двое, а сам он в точности повторяет внешность полковника Стюарта¹⁵, только в португальской версии, с толстой золотой цепью на шее. Саманта поняла кто перед ней.

-Ну что же вы?!- воскликнул высокий мужчина, обращаясь к своим подчиненным, - разве это любезно, мы так с гостями не обращаемся, поднимите ее и посадите на стул. Ты знаешь, кто я?- спросил он, глядя на Сэм.

Она смотрела на него уставшими глазами, болезненно моргая, - Да. Стьюго-хозяин здешних мест.

-И ты знаешь, где находишься?- нахально продолжал задавать вопросы.

-Вероятно в Восточном пределе, точнее там, где ты до смерти замучил Энди.

-Мне всегда было любопытно, почему люди называют Ричи королем? Ведь он жалкий наркоторговец, пытающийся подмять под себя мои владения. У него нет стиля. А я, просто хозяин здешних мест...? И... да, это именно то место, где твоя подруга пыталась дышать, у нее не получалось, с пробитым то легким, или, полным воды, ну в общем, не повезло ей,- саркастично

¹⁴ Кенджиро – жестокий персонаж фильма «Американский самурай» 1992 г.

¹⁵ Полковник Стюарт – отрицательный персонаж в фильме «Крепкий орешек 2»

описывал страдания Энди, этот мерзкий высокий господин,- интересно, на сколько хватит тебя? Она выдержала неделю...- заметив, что Сэм молчит, он произнес,- не игнорируй меня, пожалуйста!

-А что? Страдаешь гиперактивностью и расстройством внимания?

-Хм, странно, что ты дерзишь, я то думал, что клетка окончательно тебя добьет. Тебя - нелюбимую дочь, презираемую отцом и матерью, не состоявшуюся женщину, которая в отчаянии бросается на мужчину в надежде, что он ее возьмет прямо на кухонном столе. Признаюсь, более жалкого зрелища я еще не наблюдал. Ты и впрямь обессилила той ночью, когда он от тебя отказался! Тебя даже усыплять не понадобилось, мои люди забрали тебя у порога дома, на котором ты валялась. Никогда не видел такой слабости. И меня удивляет, почему? Почему ты позволяешь так с собой обращаться? Этот вопрос я задаю каждому, кто оказывается здесь, и знаешь что они все отвечают?

-Что же?- с достоинством слушающая Сэм.

-Ничего, они молчат. Они просто не знают что ответить, потому как слабы. А слабость - это низко. Мир любит сильных. Девка Ричи была сильной, жаль, что я ее убил, мне и тебя будет жаль.

-Убиваешь слабых, потому что презираешь их, а сильных, потому что не терпишь конкуренции?- подняв голову вверх, смотря прямо в пугающие голубые глаза, спросила Сэм.

-А ты смелая. Мне нравится.

-Я польщена. Ты следил за мной?

-Я не варвар, не хватаю всех подряд по псевдо наводкам. Я проверяю информацию и тогда я беспощаден.

-Наверно я должна быть в восторге, что ты потратил на меня время...

-Ты единственная, у кого мелькают проблески понимания и благодарности. Я шокирован. Я точно буду жалеть, что убил тебя... пару минут.

-Ты так трудился, чтобы что -то выведать наверно, не ради забавы же ты меня выкрал?

-Выкрал? Мои парни тебя подняли прямо с крыльца этого убого домишки, где ни один из мужчин на тебя не пустил слюни, хотя ты и щеголяла в одной майке. Но ты права. Я хочу узнать... какого хрена твой новый друг (имея ввиду Ричи) мочит моих парней на право и на лево? Только потому что я забрал его сучку?

-Ты?!- разъяренно выкрикнула Сэм, пытаюсь освободить привязанные к стулу руки, чтобы ударить Стьюго.

-О? Нет, ты неверно подумала, я не прикасаюсь к обезображенному товару. А на момент ее пребывания, она уже была избита, лицо все в ссадинах, сломанные ребра, ну как с такой развлекаться? Я достоин лучшего. Самого лучшего и красивого. ... Я вижу облегчение в твоих глазах, оно не оправдано, Энди повезло, ее изувеченное тело никто не успел трахнуть. Девчонка так всех злила, что они просто не думали об этом. А ты, другое дело. Личико свежее, губки налившиеся, нежная кожа,- шептал Стьюго Саманте, проводя

средним пальцем по ее телу,- ты довольно красива, только не умеешь собой торговать.

-Я не шлюха, чтобы собою торговать...

-Нет, женщины все шлюхи, это их историческое призвание- развлекать мужчин.

-Ты своей матери то же самое говорил или не успел, потому что ее затрахали до смерти у тебя на глазах, а она стонала от счастья и требовала больше и больше?- посмелевшая Саманта.

... - громкий звук пощечины - Ты пытаешься меня разозлить?

-Что, неприятно свое убогое детство вспоминать?

-А тебе не страшно так со мной разговаривать?

-Было страшно там, в ящике, потому что ожидание смерти хуже самой смерти. Но сейчас, когда ты знаешь, что это конец, смысл дрожать и бояться?

-О... это не конец. Ты готова к смерти, но я ее тебе не дам. Ты пойдешь по рукам и тебя опробует столько мужчин, сколько понадобится, пока ты не сдохнешь. Говори, как Ричи узнал, что наркотики украла не Энди?

...-еще одна пощечина, разбившая Саманте губу, вытесняющаяся кровь растекалась по подбородку и капала на колени,- Ты не умело ее подставил. Людям, которым ты заплатил, легко развязать язык, а выйти на них было не сложно, с учетом талантов Ричи. Он не верил в виновность Энди и докопался до твоей детсадовской разводки. Он знает, что деньги от сбыта тех наркотиков у тебя.

-Если так, то почему, он ждал так долго и не ринулся спасти свою принцессу?

-Какое тебе дело до их взаимоотношений? Этот разговор, как и все это, сплошная глупость. Зачем ты задаешь эти тупые вопросы? Он вышел на тебя, разгадал твой не удавшийся план, и вот ты здесь, допрашиваешь девчонку, которая пытается помочь ей.

-Ее брата найти полагаю? ... Да, если бы паренек не сбежал, Ричи бы уже катился ко дну со своего трона и, Адская кухня стала бы моей... Маленький паганец оказался умным, но не настолько, чтобы отомстить за смерть сестры. Если бы я его убил, ты бы не начала его искать и не познакомилась бы с Ричи. Выходит, в крахе моей великолепной идеи виновата ты...

-Так что же не убил?

-Малец сбежал. Да и кто мог подумать, что они родственники? Она же белая как рубашка у президента, а он черный.

-И где он?

-Сидит в твоём ящике.

42: Письмо

На втором этаже особнячка слышен незначительный грохот, вроде перестановки мебели или чего-то в этом роде. Младший брат семейства

поднялся по лестнице. Шум доносился из комнаты Виктории. Ридли и впрямь двигал мебель.

-Решил двигаться дальше? - ненавязчиво спросил Гэршон.

-А ты? Распрощаешься, наконец, с этой нелепой приставкой к твоему имени?

-Когда ты простишь меня, только тогда...

Оба брата смотрели друг на друга с готовностью расстаться с прошлым.

-Тебе не нужно мое прощение...

-Ридли...

-Мне нечего прощать.

Молчание повисло между братьями.

-Ты...

-Не надо,- перебил Ридли, не давая Гэршону возможности обвинить себя в чем-либо,- ты всегда делал то, что считал нужным. Ты не виноват в инфаркте отца. Это непредсказуемо, как и все в нашей чертовой жизни. Ты не должен себя винить.

-Ну а как же ты? Ты избавляешься от своего комплекса вины?

-Я стараюсь, ведь в конце концов мой младший брат прав, я все делал неправильно. Возможно, дай я отпор устойчивым намерениям отца, Рэйчел была бы счастлива, и может она бы родила Викторию от любимого мужчины и, моей Вики не пришлось бы расплачиваться за грехи родителей.

-Главное жить. Жить и помнить самое хорошее.

-Да... Сэм пыталась достучаться до меня, а я вел себя как упрямый баран.

-Я бы назвал тебя другим рогатым животным, ну да ладно.

-Язвить не разучился, я смотрю.

-Да,- ответил Гэршон, потирая затылок ладонью,- у тебя телефон отключили за неуплату и я видел просроченные счета, может, разгребем эту кучу бумаг?

-Было бы разумно... Но сначала, я хочу закончить здесь, - сказал Ридли, отодвигая тумбочку возле кровати. Из щели между тумбочкой и стеной вывалилось запечатанное письмо.

-Смотри Ридли, ты нашел сокровище, конверт, пыльный и начинающий желтеть.

Старший брат наклонился за письмом и перевернул его. На нем был написан адресат: "Виктории". Надпись женским почерком, черными чернилами.

-Это Рэйчел, да?

-Да, это ее почерк.

-Я тебя оставляю...

-Нет! - возбужденно воскликнул Ридли,- не бросай меня. Остайся. Я не выдержу это в одиночку... прочитай ты,- попросил Ридли, протягивая Гэршону письмо.

Виктории

Моя дорогая девочка! Мое солнышко. Я пишу тебе это письмо, потому что не набралась смелости поговорить с тобой. Ты умираешь моя радость, но в тебе столько света и силы, что мне стыдно даже подходить к тебе. Хотя, наверно я лукавлю, потому, как сама себя ненавижу за то, что не была рядом, не поддерживала так, как отец. Прости свою слабавальную мать. Я не могла выносить твои страдания, а ты переживала за нас всех. Я прошу у тебя прощения за то, что собираюсь сделать. Тебе осталось около месяца и, ты практически не просыпается, а я все равно думаю только о себе. Твоя мама малышка круглая эгоистка. Но знай, что дороже тебя у меня никого нет. Ты самая любимая и обожаемая дочка во всем мире. И если не будет тебя, то моя жизнь окончательно теряет смысл. Я ухожу раньше и встречу тебя на ту сторону реки... ты увлекалась мифологией и постоянно проводила параллели мифов с реальной жизнью. Ты такая умная и красивая. Ты просто не заслужила такой матери.

Я прощаюсь с тобой, зная, что мы скоро увидимся в мире, где нет боли и страданий. Мы обязательно там встретимся.

Я даже не знаю зачем пишу это письмо, наверно для того чтобы ты не ругала меня и не злилась, чтобы поняла, почему я это сделала.

Твой папа и я никогда не любили друг друга - мы заложники судьбы, мы трусы, которые повели себя нечестно по отношению к себе самим. Твой отец замечательный человек, мы научились уважать друг друга, а когда появилась ты, то для него не было ничего важнее. Ты свет его жизни, в которой, наконец, появился смысл. И терять тебя, значит терять саму жизнь, вернее то, что от нее осталось. Он не желал мириться с болезнью, всячески тебя отвлекал. Он заботился обо мне. Он жил нами. А я не обладала его силой, я страдала в одиночестве, как и всегда. Моя жалкая жизнь ничем не отмечена, кроме твоего рождения. И я горжусь, что у меня такая дочь, но я не в силах больше терпеть.

Я изнеженна и избалованна, так меня воспитали. Меня выбросили как вещь в пущую семью, где посадили под замок, а была в золотой клетке. Да с деньгами, и многие говорили мне, на что я жалуюсь, ведь у меня есть все,

но у меня не было того, ради чего можно было жить. С твоим появлением у меня появилась надежда и цель, но и это у меня отняли. Ты умираешь...

Я не любила, не знала себя и не реализовала... Я...просто слабая. Я не могу выносить одиночества... Больше не могу... Прости меня Виктория. И ты Ридли прости. Я могу видеть весь мир в своей никчемной жизни, но это не честно. Вина только я и больше никто. Не вините себя. Ни за что. Я просто устала. Это мое решение и я прошу его уважать. Простите меня и отпустите. Позвольте распорядиться хотя бы собственной смертью. Пожалуйста. Не осуждайте меня.

*Я люблю тебя, Виктория и всегда буду любить. Я буду ждать тебя...
Твоя мама.*

Из глаз Ридли вот - вот покатятся слезы. Оба брата сидели, молча сглатывая напряжение. Гэршон положил свою руку Ридли на плечо, сочувствуя его переживаниям. Срывавшиеся слезы так и не осмелились вытечь, чтобы выпустить пар, то давление, которое съезживает время до секунды и останавливает все вокруг. Блестящие глаза Ридли закрылись, и веки оросились слезной жидкостью, с облегчением, но и сожалением. Ридли необходимо было узнать, что не он главная причина затяжной депрессии Рэйчел, что она его не ненавидела. Это шокирует, но это важно. Живые не должны корить себя и жить мертвыми. Живые должны жить.

43: Да, я слабая

! - резкий звук очередной пощечины.

-Ты мне губу разбил своей кувалдой, если продолжишь украшать мое лицо натуральными красками, то я перестану быть привлекательной, имей совесть, не порти товар.

-У! Как мы заговорили? Хочешь сохраниться для меня?

-Ты просто читаешь мои мысли,- саркастично ответила Сэм, медленно двигая зрачками в стороны, пытаясь собрать мозги в кучку после тряски от удара.

-Ты ничего... правда, даже с кровью на лице и припухшими щеками, личико как кукольное, губки яркие, но в глазах у тебя ярость, опасность привлекает меня, особенно в женщинах, но...

-Струсил? Думаешь, я тебя убью?

-Ты могла бы попытаться, может хоть это бы вышло у тебя?

-Можешь давить на психику сколько угодно, но это неверный путь, чтобы достать меня.

-Неверный? Нет, - произнес Стьюго с улыбкой,- ты ранима много больше, чем предполагаешь. Все вы мните себя мученицами; мол, "никто меня не любит", или "почему я не красивая?". Ваше счастье в ваших руках. Мужчины действуют иначе, они берут то, что хотят, а вы разводите сопли.

-Хочешь добить меня тем, что от меня отказался мужчина?

-Тебя же это задевает?

-Я вижу, ты любишь поговорить, как кошка любит играть с мышью, перед тем как убить.

-Ты мне интересна. Я и с Энди любезно поболтал. Она вот только не выдержала давления... ее любовь сломила ее окончательно. Ты бы слышала ее крики, когда ее били.

-Я слышала, - Сэм подняла голову,- и не только, я пережила все, что ты с ней делал, поэтому мне не страшно с тобой "болтать". Я знаю тебя и знаю, что будет. Бояться больше нет смысла.

-Ахаха! Если не можешь сопротивляться, получай удовольствие?! Ты и впрямь стоящая. Но твоя эмоциональная связь с ней это лишь ночной кошмар и только. Мне не понятна твоя вера в ее духовное присутствие.

- А мне не понятно, почему ты тратишь время на разговоры?

-Это же очевидно. Я жду Ричи. Он не смог спасти свою принцессу, и второго раза не переживет.

-Надеешься, что он за мной придет?

-Конечно, ведь я его пригласил. И поверь, приглашение получилось эффективное. Ты бы видела труп Вагнера с адресом твоего особнячка на груди. Думаю, Ричи оценит.

-А пока он не объявится, ты будешь мучить меня беседами?

-Хочешь, буду мучить иначе, мои прикосновения приятны? - спросил Стьюго, грубо проводя ладонями по коленям и выше.

-Не трогай меня!

-Почему? - спросил Стьюго, опираясь при этом руками о бедра Саманты, - насилие такого плана тебе не ведомо?

Он хищно смотрел в трясущиеся глаза Саманты, даже веки ее дрожали.

- Не трогай меня,- тихо прошептала Сэм.

- Будет забавно, если я опробую тебя первым. Интересно, что скажет тот мужчина, которого ты добивалась той ночью?

- ..., - и без того опухшие от напряжения глаза Саманты колеблются в надежде на понимание,- не надо...

-Жалеешь себя или не можешь допустить, чтобы тебя трогал другой мужчина, это любовь?

-Если бы ты любил, ты бы не задавал глупых вопросов. Разве ты допустил бы, чтобы твою женщину "любил" кто-то кроме тебя?

- Любовь удел женщин, не мужчин.

-При всей своей скользко хладнокровной натуре ты глуп. Можно сколько угодно наблюдать за реакцией людей, играя их судьбами, но рано или поздно ты упустишь те мелочи, на которых строится их жизнь, будь то любовь или дружба, люди удивят тебя и лишь потому, что тебе чужды их чувства.

-Это не лишает меня удовольствия забавляться с ними, как с тобой сейчас. И твои молящие о пощаде глаза выглядят смешно и низко...

-Пусть так, но мужество не в том чтобы не бояться, а в том чтобы преодолевать страх. Я не боюсь тебя и твоих действий, я боюсь, что не смогу с этим справиться...

-Наша беседа стала меня утомлять. Ты скучна. Слишком много в твоей голове ненужных мыслей, много хлама, ты теряешь мой интерес.

-Я не драгоценность, чтобы привлекать кого-то.

- Вот мы и докопались до сути всех бед. Недооценивать себя хуже, чем переживать из-за изнасилования. Твоя голова и впрямь забита дерьмом.

- У каждого свои мерки и ценности.

- Верить в себя - главное чему должен научиться человек, остальное - хлам.

- Твоя вера вижу, достигла высот.

Стьюго сел Саманте на ноги, положив руки на плечи.

... Да. И мне противно твое нытье.

-Тогда чего же ты ждешь?

-Ты сдалась... ты слабая.

-Да, я слабая...

-Теперь я тебя не хочу,- сказал Стьюго, встав с Саманты. Из ее глаз капнули слезы. Их немного, но в них столько горечи и облегчения.

44: Я люблю ее... и хочу защитить

Из подъехавшей к дому машины вышел Ричи, он направился к особняку, постучал в дверь.

Открыв ее, Гэршон увидел парня, по его представлению не больше двадцати пяти лет, крепкий со злым выражением лица.

-Чего - то хотели? - недоверчиво спросил младший из братьев.

-Саманта... где она?

-А кто ты такой чтобы о ней спрашивать?

-Ну а ты кто ей?

Странно, но в голове у Гэрсона промелькнул момент его приезда домой. Дверь ему открыла Сэм и ответила на этот вопрос точно также. Видя перед собой парня, явно привыкшего к жестокости, он вспоминал характер этой чудной девушки с болью в глазах. Между ними было нечто общее, похожее...

-Если будем продолжать разговор в таком духе, то ни к чему не придем.

-Послушай, ты! - Ричи схватил Гэрсона за майку и придвинул к своему угрожающему лицу,- у меня нет времени на болтовню, где она?

Завязалась драка. Двое крепких людей сцепились как яростные подростки. За этим наблюдал Ридли. Минуту спустя он вышел на крыльцо с невозмутимым взглядом.

-Эй! Вы, оба, прекратите!

Столкновение прекратилось.

Саманты нет уже третьи сутки. Если ты ей друг, то можешь знать, где она, или куда уехала.

-Что? Ее нет три дня?

-Да в чем дело? - выпалил нетерпеливый Гэршон.

-Ни в чем. Мне пора.

-Постой,- крикнул младший хозяин дома, схватив Ричи за плечо, - объясни, в чем дело? Это к тебе она бегала по ночам? С тобой встречалась?

-Ты направляешь свою ревность не в ту сторону. Она помогала мне, и теперь она в опасности. Я должен ехать.

-В опасности? Что происходит? Куда ты? За ней? - вопросы сыпались один за другим, все больше раздражая Ричи.

-Я тебе ничего объяснять не намерен,- сказал хозяин темных улиц Адской кухни.

-Я должен ей помочь, если она в беде. Я люблю ее... и хочу защитить.

Эти слова заставили Ричи воспринимать Гэрсона в серьез.

-Если она умрет, ты себе этого не простишь... - промелькнуло в голове Ричи. Он как никто другой знал, о чем говорит.

-Ну, так что?- спросил Гэршон.

-Садись в машину.

Привязанная к стулу Сэм, проворачивала последние события в памяти. Она уже давно перестала слышать Их голоса. Они с ней больше говорили. Но Саманта знала, что они еще не покинули ее, нет, они здесь. Это и придавало ей сил, не позволяло сдаваться, не смотря на разрушающие ее душу события. Сейчас просто ждала, ждала разрешения этой истории, ждала конца этой повести. Все что ей довелось увидеть и прочувствовать, все это делало ее живой, отнюдь не счастливой, но необходимой кому -то.

В комнату вошел дряхлый мужчина, это тот нетерпеливый толстяк, угрожавший Энди, пока та сидела в ящике. На этот раз ему не терпелось расправиться с Сэм.

-И как долго нам ждать, Стьюго?

-Ты сейчас не забыл, с кем говоришь? Что за вопрос? Или хочешь с собственными кишками попрощаться? Проваливай, доложишь, когда он объявится.

-Живой еще? - произнесла Саманта, глядя прямо на толстяка, но тот лишь удивился, не придав значения своему будущему, скрытому в ее словах и вышел.

-Поговаривали, будто Ричи перед тем как замочить очередного моего подчиненного спрашивает позволения у какой- то девки. Это ты, без сомнения. Откуда ты в лицо знаешь тех, кто убил его сучку?

-Я уже устала говорить. Да и какая разница, ты ведь сказал, что не веришь во все эти "шаманские штуки". И тем более, те десятки, которые убил Ричи,

просто пешки, которые выводили на исполнителей. Мы добрались до трех. Остался этот толстяк - Абад и Бедо.

-Понятно. Вы видели пленку, которую нашли у Зезе.

-Видишь, всему можно найти рациональное объяснение.

-Хочешь лично убить Абада?

-После всего, что я пережила, мне и убийство по силам.

45 и 46: План и захват

-Если я все правильно понял, то это ловушка,- Гэршон.

-Это еще кто такой,- спросил Гайдн.

-Успокойся, он друг Сэм,- Ричи, да, ты правильно понял, но выбора нет. Эта мразь за все ответит. И за Энди и за Вагнера.

-Какой план? - полный решимости Гэршон.

-Убить их всех.

-Превосходный план, а если по подробней? Ну приедешь ты туда, тебя наверняка поведут на встречу к Стьюго и наверняка ты будешь с ним разговаривать связанный или подвешенный на металлических крюках. Что дальше?

- Как только я покажусь в Восточном, пределе меня будут держать на мушке. Вы отправитесь туда другой дорогой. Под зданием, где скрывается Стьюго, располагается старая ветка метро, ее так и не достроили, но тоннели для рабочих идут прямо к подвалам его убежища. Вы (говоря о Гайдне и Гэршоне) с нашими парнями проберетесь через эти тоннели и проникните внутрь. Наши девочки и серия взрывов отвлекут не надолго внимание псов Стьюго , чтобы дать вам время разломать стенку между тоннелем и подвалом. Зрелище будет по круче фонтана перед Caesars Palace. Устроим ему фейерверк. Во всей этой неразберихе мало кто обратит внимание на недостаток людей на своих постах. Вы проникните внутрь и найдете меня и Сэм. Подкрепление подойдет снаружи. Когда вы меня освободите от металлических крюков,- в этот момент Ричи саркастично посмотрел на Гэршона,- тогда и начнется жатва.

-А что невинные люди?

-Взрывы будут не сильные, взрывчатка с маленьким зарядом. Нам не нужны жертвы.

-Звучит не плохо, но что если не получится?

-Тогда, Гэршон, мы все сдохнем...

-Отличный план,- сказал Гэршон, а что за девочки?

Гайдн усмехнулся.

-Увидишь, а пока скажи, хорошо дерешься?

-А ты уже забыл?

-Я про серьезную борьбу Гэршон.

-Я служил в Израильской армии.

Новый довод определенно пришелся по вкусу королю здешних мест.

-Ele está aqui¹⁶,- сказал Абад.

-Você sabe o que fazer¹⁷,- радостно отдал приказ Стьюго, - шоу начинается,- сказал он Саманте.

Снова шаги, в ушах слышно биение сердца... началось...

-Заходи, не стесняйся!

В комнату привели Ричи, он кинул взгляд на Сэм, она взглядом ответила, что все нормально.

-Я удивлен,- сказал Ричи.

-Что до сих пор жив?

-Нет, что не связан.

-Как раз об этом...

Ричи ударили по голове, напав сзади, загнули руки и надели наручники, соединенные с цепью, на которой его и подвесили.

-Не больно? - спросил Стьюго, подойдя вплотную к Ричи, - ну и как себя чувствует король Адской кухни? Ты второй раз облажался, но теперь, я буду при тебе кромсать твою новую подружку,- в след за словами он ударил Ричи в живот, после чего пособники здешнего монстра избивали его подвешенное тело бейсбольными битами.

-Остановись! Нет! Стойте!- кричала Саманта.

На улице прогремел первый взрыв.

-Что там? Пойди, узнай,- приказал он Абаду.

-Ждем второго,- сказал Гайдн.

-За тобой, что принц приехал? - Стьюго.

-Это твой район.

Слышны возмущения и крики, в целом женские.

-Они взорвали притон.

-Соберите шлюх и, смотрите, чтобы никто не сбежал.

-Быстрее, шевелитесь!

¹⁶ Ele está aqui (португальский)- он здесь.

¹⁷ Você sabe o que fazer (португальский)- вы знаете, что делать.

Девушки в одном лишь нижнем белье выбегали из комнаты, через брешь в стене, забрались девушки Ричи, в такой суматохе они слились с толпой галдящих и напуганных женщин. Когда девушек выводили по коридору, умелые дамы начали скручивать охранников и тех, кто прибегал на помощь. Одна из подсадных красавиц спустилась к подвалам. В это время прогремел второй взрыв.

-Что тут делаешь? - спросил один из людей Стьюго.

-О, Боже мой, они все,- истерично заговорила девушка,- вас всех зовут наверх.

-Что там? - проворчал громила и пошел к двери, призывая своих соратников с собой. Четверо вышли.

Девушка заложила снаряд. 3, 2, 1,- взрыв! Осколки стены разлетелись по всему подвалу, сквозь серую пыль проступают мужские фигуры.

-Хорошо сработано,- поблагодарил Гайдн.

-А, вот значит какие девочки! - улыбнулся Гэршон, проходя мимо девушки.

-Думаешь у твоих людей получится прорваться? Скажи им остановиться или я убью ее,- угрожал Стьюго, держа нож возле шеи Саманты.

-Как? Я ведь привязан. А в таком бардаке мои крики никто не услышит. И тем более, она давно готова к смерти.

В комнату ворвался Абад.

-Seus homens saiu do porão para o andar térreo¹⁸,- беспокоило доложил Абад, обливаясь потом и сотрясая от страха свое брюхо.

-Droga! Mantê-los o maior tempo possível!¹⁹- прокричал Стьюго.

-Тебе не убежать, твоя "армия" разделена взрывами, со мной целый город и даже половина твоих "отбросов" как ты их сам называешь. Пытаясь подкупить моих людей, ты не заметил, как твои переходят на мою сторону. Это началось уже давно и закончится сегодня. Все твои главари банд сейчас сидят по норам с дулом у виска, а пешки, нанятые охранять твою крепость, умирают на каждом этаже.

Такие люди как Стьюго не признают поражений, но они слабы и легко сдаются, ища виноватых и обвиняя во всем других.

-Даже если так, (прогремело еще три взрыва подряд), что мешает убить вас? Вы в моем распоряжении.

-Валей. Моя империя перейдет к доверенному человеку. А тебя расстреляют, и ты будешь лежать на полу в луже из крови и твоих мозгов.

Внезапно дверь выломали одним ударом. В комнату ворвались трое.

-А а а. Нет,- заголосил Стьюго, удерживая нож возле горла Сэм и направляя ствол на Ричи,- патовая ситуация. Что будете делать?

-Стреляй Гайдн,- сказал Ричи.

¹⁸ Seus homens saiu do porão para o andar térreo (португальский)- его люди вышли из подвала на первый этаж.

¹⁹ Droga! Mantê-los o maior tempo possível! (португальский)- Черт! Держите их как можно дольше!

-Нет! Сэм! - не сдержался Гэршон.

-А, это ты, точно,- ехидно улыбнулся владелец подорванного района.

Сэм смотрела в глаза Гэршону. Она не думала, что он за ней придет. Он вел себя глупо, пытаясь отсрочить неизбежное, но ей стало так тепло на душе, так ясно, что не жаль и умереть.

-Ну, кто первый? - спросил Стьюго.

-Стреляй! - крикнул Ричи.

Доля секунды и прогремит выстрел, второй. Гэршон бежит к Саманте. Девушка кинулась к Ричи, чтобы оттолкнуть его висящее тело. Гремит очередной взрыв. Момент, растянутый до бесконечности стоит перед глазами Сэм. Она видит, как летят пули и как бегут двое. В этом тумане замедленной съемки она чувствует лезвие, впивающееся в горло, как оно скользит, разрезая плоть. Брызги крови догоняют по инерции отводимую руку с ножом, стремящиеся к своим жертвам пули вонзаются в тела. Стьюго падает назад, слышен скрежет стали. Он повержен и лежит на полу и приземлился он одновременно с каплями крови Саманты. Гэршон крепко сжимает раненную шею Сэм, успокаивая и говоря, что он рядом и скоро все закончится. Вторая пуля задела девушку, поцарапав ей спину. Сдерживая колебания маятника, она снимает противовес и Ричи падает на пол.

-Я сделаю! Помоги девчонке! - сказала девушка, пытаясь снять наручники с Ричи.

Гайдн развязал Саманту, постепенно терявшую сознание. Теперь голоса и фигуры сливались в одно, в яркий свет, за которым была темнота.

47: Исход

-Унесите ее!- крикнул Ричи, - как ты? - спросил он у девушки с раненной спиной.

-Нормально.

-Уходи, найдите врача, вызовите скорую, а у меня еще дело.

Спускаясь по лестницам, пробегая по коридорам, где как на войне сражались две враждующие группировки, Гайдн кричал, что Стьюго мертв. Бои сразу утихали, трусливые подчиненные сбегали. Прошло еще пару часов, прежде чем люди Ричи нашли оставшихся двух, причастных к смерти Энди. Бедо трусливо прятался в кладовке, он даже не осмелился выйти и попробовать сбежать. Абада схватили на выезде из района. Видимо он даже не пытался исполнить приказ своего хозяина, а решил побеспокоиться о себе. Пока в разрушенном районе кипела зачистка, Ричи вершил суд над этими двумя.

Он поставил запись.

-Transformá-lo para baixo!²⁰, - кричал Абад.

²⁰ Transformá-lo para baixo! (португальский)- выключи!

-Não²¹,- спокойно произнес Ричи.

Толстяк плакал, пытался развязать веревки, которыми был привязан к стулу, а вот Бедо сидел смирно. Он наблюдал, хоть и с опаской и отвращением, но наблюдал за тем, как Ричи втыкает в колени Абада металлические прутья, как тот кричит от боли, как он обмочил стул; смотрел, как Ричи вырывает плоскогубцами ногти Абада, как капает кровь.

- Você a matou²²...- сказал Ричи,- você vai sofrer mais do que ela²³, - добавил он, вонзая железные прутья ему в глаза. Абад мог давно умереть от болевого шока, но раз все еще держится, значит можно продолжать.

Ночь подходила к концу, квартал был почти расчищен, подчиненные Стьюго перебиты. Кровавая бойня закончилась восхождением на олимп нового короля для этих мест. Выстрелы затихли, звуков рукопашной нет, остались лишь крики Абада, но и они стихли, его сердце не выдержало нагрузки. После Ричи принялся за Бедо.

Испуганный португалец смотрел в глаза своему палачу, но даже в его трусливом поведении было больше достоинства, чем у всех четверых, убитых до него.

-Я убью тебя.

-Я знаю,- ответил Бедо.

Ричи взял нож Стьюго и принялся отрезать щеки, пальцы, все выступающие части тела Бедо. Он, окровавленный, кричащий, в конце концов, лишился языка. Ричи его отрезал, а Бедо, с выученными глазами дрожал, нервные окончания его тела сходили с ума, не давая спокойно сидеть. Весь в липкой багровой крови не тронутыми оказались лишь глаза. И Ричи их вырезал. После чего, Бедо еще потряс своим телом, и скончался.

Тело Стьюго красовалось, на фасаде здания. Оно болталось на петле. К сожалению Ричи не смог "выпустить пар" на нем, Гайдн застрелил его с одного выстрела. Жаркая ночь сменилась прохладным утром и все в округе знали, что у них теперь новый хозяин. Спустившийся вниз Ричи, увидел рядом с Гайдном Чейна.

-Мы нашли его в ящике, говорит, его поймали недавно.

-Спасибо Гайдн.

Черный паренек смотрел на Ричи, изредка отводя глаза, не решаясь сказать что-либо.

-Твоя сестра отмщена.

Чейн молча протянул руку к Ричи, это было его спасибо.

²¹ Não (португальский)- нет.

²² Você a matou (португальский)- ты убил ее.

²³ você vai sofrer mais do que ela (португальский)- ты будешь страдать больше, чем она.

48: Свет

-Я умерла? - спросила Саманта у Виктории и Энди.

-Нет. Ты еще борешься за жизнь,- Вики.

-Тогда почему я здесь?

-Потому что ты на грани,- Энди.

-Я вас так долго не слышала,- медленно говорит Сэм, словно сонная.

-Да, мы не могли, у нас не осталось сил,- Вики.

-Простите меня...

-За что, глупенькая? - спросила Энди,- за то, что Ричи отомстил за меня? За то, что он нашел Чейна? За то, что братья помирились?

-Что?

-Да Сэм, Гэршон с отцом, наконец, поняли друг друга. Они снова стали братьями. Спасибо тебе.

-Значит, все не напрасно? Но письмо...

-Папа прочитал его, оно на самом деле предназначалось ему, я знаю, что мама меня любила и сделала это для себя. Мой отец должен был это понять, и он понял. Мы обе у тебя в долгу.

-...,- оглядевшись по сторонам, Сэм продолжила,- значит вот как выглядит моя голова изнутри? Белая комната с экраном? ... Вы обе выглядите счастливыми.

-Благодаря тебе, мы завершили наши дела. Ты вернула моего отца к жизни, он понял, что ни в чем не виноват, что ему следует жить дальше... помогла Чейну обрести нового брата. Не смотря на мрачность событий, теперь мы знаем, что у них все будет хорошо.

-Откуда?

-Наверно, это подарок свыше, я увидела Ричи у моей могилы. Он был там с маленькой девочкой, то была его дочь. Он рассказывает ей обо мне и назвал он ее моим именем - Эванджелин. В его душе никогда не утихнет вина, а сердце не впустит другую женщину, но ему будет дарить покой эта девочка. Он будет счастлив, на сколько он себе позволит. А Чейн... Он никогда больше не коснется криминального мира. Он выучится и станет уважаемым молодым человеком. Ты повернула судьбу в другое русло Саманта, ты подарила им будущее и мне покой. Спасибо.

-Почему ты светишься?

-Мы уходим, наше время пришло.

-Но Виктория?

-Да... Я тоже видела будущее своего отца. В нем ты и Гэршон. Большого я и не смела желать. Спасибо.

-Я вас больше не услышу? Да? - с огорчением произнесла Сэм.

И снова перед глазами реальность начала таять, Виктория и Энди исчезали в ярком свете, а Саманта очнулась в больнице.

Гэршон спал сидя на кресле, держа ее руку в своих. Она глядела на прижавшуюся к больничной кушетке голову и попыталась пошевелить пальцами руки. Гэршон проснулся, как кипятком ошпаренный оторвал голову от кушетки, но руку не отпустил.

-Очнулась... - произнес Гэршон, в его голосе было столько нежности...

-Твой голос жестче, чем у Ридли, Шон.

-Буду в его возрасте, буду нравиться тебе больше? - улыбнулся он в ответ.

-Нет, твой сладкий хрип мне по душе.

-Я люблю тебя Сэм...

- из глаз Саманты капнули блестящие слезы, - а я тебя,- тихо произнесла она.

Шум из коридора нарушил покой влюбленных. Мама Саманты приехала. Она бросилась к дочери, причитая, как все матери, обеспокоенные самочувствием своих детей.

В коридоре стоял и Ридли, и Ричи, с синяками и кровоподтеками по всему телу, уверена, их много больше, после встречи с битой, с Чейном, ведь прошло больше суток. Все обеспокоены ее здоровьем.

В больнице Сэм пролежала еще две недели.

49: P.S

Кладбище. Ричи и Чейн не возражали против того, чтобы похоронить Энди рядом с Викторией. Ричи нашел ее останки. Он упорный... Саманта сидела перед надгробиями.

-Знаете... мама ушла от него, - с улыбкой сказала Сэм,- она все-таки решилась. После того как мама увидела меня в больнице и узнав, что этот монстр приезжал за мной в дом Ридли, она подумала, что это Бен напал на меня. На тот вечер у него не было оправдания, он напился и лежал дома, пока моя мама была в отъезде. После больницы мама поехала в участок и написала заявление. Бена арестовали. А так как он не помнит ничего из событий того дня, то защититься не смог. Забавно, но она решилась на развод, только увидев меня чуть ли не умирающей. Хотя он и не причем, но я рада, что все сложилось так. Их развели без его присутствия. В тюрьму он не отправился, я настояла, теперь ему просто судом запрещено приближаться к нам. Чего я и добивалась. После угроз, стольких лет, теперь мама свободна. Думает даже купить квартиру и подыскала несколько вариантов... Уже совсем тепло, скоро лето, но земля холодная. Я буду по вам скучать...

Ричи подошел к Саманте.

-Она сожалеет о том, что не смогла сделать тебя счастливым...

-Она – все, что у меня было. Пока жила она, был жив и я. Никогда не говори того, чего не знаешь, или того, что она себе надумала. Энди была всем для меня. И я был счастлив, просто ощущая ее рядом. Пусть ее больше не беспокоят эти мысли. Она была моим счастьем. С ней, я был счастлив. Передашь ей? Или как это у вас происходит?

-Она слышит...

Неделя спустя.

-Что за конверт? - спросил Шон.

-Из галереи Уотсона.

-И что пишут?

-Что картина Ридли будет выставлена через месяц на их выставке и они просят его приехать, заключить договор с ними для печати каталога и регистрации права на продажу картины.

-Когда он отправил свою работу на конкурс?

-Он не отправлял. Я это сделала. Когда мы делали уборку, почти сразу после твоего приезда, помнишь ту, уцелевшую картину? Я поискала в сети, что с ней можно сделать и вуаля.

-Надо сказать ему. Ридли! - крикнул Шон.

-Что такое?

Мы стояли в прихожей и улыбаясь смотрели на Ридли. Пес Шона крутился у нас в ногах, виляя хвостом. Наверно он ощущал атмосферу жизни, вернувшуюся в этот дом.

Двое стояли внизу. Ридли недоумевал, что вскоре он вернется к своему любимому делу и через пару лет откроет собственную галерею на деньги от продажи бизнеса отца. Поначалу его мать не хотела мириться с действиями сына, но через время она стала терпимей, даже начала возобновлять отношения со своим младшим сыном. Не все сразу, но семимильными шагами в их семью возвратиться мир.

Саманта найдет себя в психологии и поступит в университет. Шон откроет свою автомастерскую и она будет процветать. Ридли подарит им особняк, а сам переедет в домик, купленный с продажи его сохранившейся картины.

Ричи отправит Чейна в лучшую школу и купит ему квартиру в престижном районе. Потом брат Энди поступит в университет. Его мать, Ричи поместит в лечебницу, где та будет проходить курс реабилитации, осознав, что потеряла дочь, она вернется к нормальной жизни и будет жить для сына.

Сам Ричи... Что ж. Все будет так, как сказала Энди. И став хозяином двух районов, он сделает грязный бизнес чище. Как странно бы это не звучало, но это так. На улицах порядок и жители Адской кухни и Восточного предела станут спокойней спать, зная, что теперь закон на их стороне. Я бы рада сказать, что со временем он отойдет от дел перестанет этим заниматься вовсе. Но контролируя потоки грязи, он обеспечивает порядок в своем мире. Если ты гангстер, то будь им до конца. А он самый настоящий авторитет для многих.

Пережив столько событий, пропустив через себя столько эмоций, я не могу сказать, что моя жизнь пуста. Я, наконец, осознала важность своего существования. Я начала ценить жизнь. Свою жизнь. Быть в ней не наблюдателем, коим я являлась с рождения, а главной героиней. Забавно, но иногда, чтобы найти себя, некоторым нужно вернуться домой, а таким как я, напротив, необходимо потеряться. Найдя выход из чужих проблем, я нашла выход и для себя.

Я обрела семью, обрела любовь. Теперь мой дом в безопасности и он полон счастья, полон жизни, с ее глупостями (по большей части благодаря несносной собаке), ее радостями, ее подводными камнями, но переступив через то, что мы прошли, они кажутся мелкой галькой, обтачиваемой водами нашей любви и веры, водами нашего терпения.

Теперь, я знаю, что живу...